

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.

СРУБНАЯ ОБЩНОСТЬ: ДВЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ИЛИ ВНУТРИКУЛЬТУРНАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ?

В статье рассматривается концепция В.В. Отрощенко, согласно которой правомерно выделять две срубные культуры – “покровско-мосоловскую” и “бережновско-маевскую”. Проанализировав аргументы исследователя, выдвинутые им в защиту данной концепции, авторы приходят к выводу, что ей противоречат многие реалии срубной культурно-исторической общности.

Ключевые слова: срубная культурно-историческая общность, покровско-мосоловская срубная культура, бережновско-маевская срубная культура, внутрикультурная непрерывность.

В 1994 г. была опубликована работа В.В. Отрощенко “О двух линиях развития культур племен срубной общности” [Отрощенко, 1994]. Ее автор на основе анализа весьма репрезентативной сводки захоронений (6907 комплексов) счел возможным “разделить пространства, заселенные племенами срубной общности”, на три большие ареала:

1. Северный, включающий памятники Челябинской обл., Башкортостана, Татарстана, Самарской, Ульяновской, Саратовской областей, Чувашии, Мордовии, Пензенской, Тамбовской, Липецкой и Воронежской областей;

2. Средний, включающий памятники Оренбургской¹, Уральской, Волгоградской, Курской, Белгородской, Сумской, севера Ростовской и северо-востока Луганской областей²;

3. Южный, включающий памятники Казахстана (Северный и Восточный Прикаспий), Астраханской области, Калмыкии, Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской (без севера), Луганской (без северо-востока), Донецкой, Харьковской, Полтавской, Днепропетровской, Запорожской, Херсонской, востока Николаевской областей и Крыма.

В.В. Отрощенко заострил внимание на том, что в северном ареале доминирует северная ориентировка умерших (59% погребенных), восточная же встречается намного реже (9,7%). В южном ареале ситуация противоположная. Северная ориентировка имеет место значительно реже восточной (6,7% против 62,7%). В среднем ареале выделить доминирующую ориентировку трудно. Здесь на север ориентированы 34,3% захоронений, на северо-восток – 31,3%, на восток – 30% [Отрощенко, 1994, с. 152]. Отсюда делался вывод о существовании двух “традиций погребальной обрядности”:

1. Традиция меридиональной ориентировки умерших (северный ареал);

2. Традиция широтной ориентировки (южный ареал).

Северо-восточная ориентировка, удельный вес которой был в обоих ареалах довольно высок (по 27,8%) была объявлена “нейтральной, образующейся в результате сезонных отклонений от доминирующей восточной или северной”. Соответственно, по мнению В.В. Отрощенко, захоронения с данной ориентировкой ни в северном, ни в южном ареалах “не образуют особую обрядовую группу”. Отталкиваясь от данных наблюдений

¹ Позднее территория Оренбургской обл. стала включаться в северный ареал [Отрощенко, 2003, с. 77].

² Позже в данный ареал было включено все Левобережье Северского Донца в пределах Украины [Отрощенко, 2003, с. 77].

и опираясь на гипотезу о двух линиях развития культур срубной общности – “покровской” и “бережновской” (сформулирована в работе И.Б. Васильева, П.Ф. Кузнецова и А.П. Семеновой [1993, с. 68]), исследователь предложил выделить две срубные археологические культуры – “покровскую” и “бережновско-маевскую”. При этом В.В. Отрощенко подчеркнул, что данные культуры имеют разные подосновы. “Покровская”, по мнению автора, сложилась на основе памятников “типа Синташты – Потаповки – Утевки – Власовки” и ранних памятников доно-волжской абашевской культуры. Относительно сложения “бережновско-маевской культуры” В.В. Отрощенко высказался более осторожно, предположив, что в данном процессе сыграли роль носители катакомбных культур и культуры многоваликовой керамики, наряду с племенами полтавкинской культуры [Отрощенко, 1994, с. 152-153]³. В последующие годы исследователь искал в защиту своих построений все новые и новые аргументы [Отрощенко, 1997а; 2000а; 2002а, с. 11-13; 2002б; 2003, с. 73-85; 2004; др. работы]. На определенном этапе развития концепции двух срубных “культур” “покровская культура” была переименована в “покровско-мосоловскую” [Отрощенко, 2003, с. 73].

Наиболее полно и структурировано рассматриваемая концепция была сформулирована в статье В.В. Отрощенко “К истории племен срубной общности” [2003]. Стоит отметить, что выделение “покровской” и “бережновско-маевской” срубных культур, как показал В.В. Отрощенко, было

предопределено тем, что еще в конце 1960-х гг. некоторые исследователи стали рассматривать степные культуры эпохи бронзы как культурно-исторические общности [Отрощенко, 2009, с. 70]. Применительно к срубной культуре правомерность использования понятия “культурно-историческая общность”⁴ обосновывалась рядом авторов (см., например: Мерперт, Пряхин, 1979). Отметим, что наряду с данным понятием получило распространение и другое – “срубная культурно-историческая область” (см., например: [Мерперт, 1985; Малов 1994]). По мнению В.В. Отрощенко, оба понятия являются практически тождественными [Отрощенко, 2003, с. 70].

Но когда было признано, что существовала срубная общность (область)⁵, закономерно появился соблазн выделить в ее рамках самостоятельные археологические культуры. Поиск в этом направлении ведется уже давно, но пока не завершён. Свой вклад в “сегментацию”⁶ срубной общности внесли многие исследователи – А.Х. Халиков, И.А. Писларий, Н.К. Качалова, И.Ф. Ковалева, А.Т. Синюк, В.И. Погорелов, А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев, Е.П. Мыськов, Э.С. Шарафутдинова, И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова и др. (см., например: [Халиков, 1969, с. 220; Писларий, Филатов, 1972, с. 79; Качалова, 1974а, с. 15-18; 1977, с. 23-24; 1978, с. 71-78; Ковальова, Волкобой, 1976, с. 16-21; Синюк, Погорелов, 1985, с. 138; Пряхин, Матвеев, 1988, с. 136-138; Мыськов, 1991, с. 145, 149-150, 152-153; 1993; Шарафутдинова, 1992; Васильев и др., 1993, с. 68; Отрощенко 2009]). Они выделяли группы и типы памятников,

³ В работе, опубликованной несколько раньше, В.В. Отрощенко решительно отвергал роль катакомбной и полтавкинской культур в формировании срубной [Отрощенко, 1990, с. 112]. Возможно, возврат исследователя к катакомбным и полтавкинским “корням” был вызван стремлением найти для “бережновско-маевской культуры” подоснову, отличную от той, которая, по его мнению, была у “покровской культуры”.

⁴ Одним из первых начал употреблять словосочетание “срубная культурно-историческая общность” Е.Н. Черных [1970, с. 127 и др.].

⁵ Термин “общность”, на наш взгляд, более корректен, но здесь не место останавливаться на данном вопросе.

⁶ Такой термин применительно к рассматриваемому процессу употребил В.В. Отрощенко [2009, с. 70].

области, локальные варианты, зоны и т.п. В.В. Отрощенко пошел дальше – выделил археологические культуры. Заметим, что и некоторые другие авторы считали возможным выделять в пределах срубной общности самостоятельные археологические культуры. Так, А.Д. Пряхин и Б.Г. Тихонов писали о Донской лесостепной срубной культуре [1979, с. 64-66]. Позже А.Д. Пряхин предложил выделить донецкую, донскую лесостепную и заволжско-приуральскую срубные культуры [1993, с. 86]. И.Н. Васильева, Н.П. Салугина и Л.С. Кулакова отстаивают правомерность выделения Волго-Уральской лесостепной срубной культуре [Васильева и др., 2011, с.136]. Однако, в отличие от В.В. Отрощенко, перечисленные исследователи не приводили развернутой аргументации в защиту самостоятельности данных “культур”.

Гипотезу В.В. Отрощенко быстро поддержали многие археологи (преимущественно украинские). Они начали использовать формулировки “покровская срубная культура” и “бережновско-маевская срубная культура” (см., например: [Пряхин, 1996, с. 5⁷; Бровендер, 2000а, с. 5; 2000б; Пашкевич, 2000, с. 416; 2005, с. 13; Лунькова, 2002, с. 1, 5; Братченко, Гершкович, 2003, с. 274; Заворотна, 2004, с. 32; Колев, Седова, 2004, с. 214; Ляшко и др., 2004, с. 8, 9 и др.; Буйнов, Дегтярь, 2005, с. 110; Стадник, 2005, с. 273; Клочко, 2006, с. 131, 147, 192 та ін.; Куштан, 2007, с. 5, 12, 13 та ін.; 2013; Ромашко и др., 2007, с. 331; Санжаров, 2007, с. 9, 25; Тошев, 2007, с. 172, 173 и др.; Шрамко, Корохіна, 2007, с. 439; Красильников, Пробейголова, 2008, с. 269; Литвиненко, 2009, с. 18-19; Пеляшенко, Буйнов, 2009, с. 223 та ін.; Ромашко, Фещенко, 2009; Бровендер, Загородняя, 2010, с. 44; Супруненко, Шерстюк, 2010, с. 412; Агульников, 2011, с. 288; Коваленко, Луговий, 2012, с. 367; Коваленко та ін., 2012, с. 84, 85 та ін.; Колесник, 2012, с. 166; Мимоход, 2012, с. 295-296; 2013, с. 336-

338; Мінакова, 2012, с. 309; Панковський, 2012, с. 321])⁸. Таким образом, можно констатировать, что уже два десятилетия продолжается “победное шествие” гипотезы о двух срубных культурах. Ее успех, как нам кажется, был в немалой степени обусловлен субъективным фактором. Суть его в том, что В.В. Отрощенко – один из самых ярких специалистов по срубной проблематике, генератор многих весьма продуктивных идей, мастер полемики, с которым трудно, но интересно дискутировать. В итоге его идеи уже давно воспринимаются многими специалистами весьма благосклонно.

Впрочем, концепция В.В. Отрощенко вызвала и скепсис. Некоторые авторы уже высказали свои критические замечания по поводу отдельных ее положений. Так, С.И. Берестнев отметил, что “выделение особой покровской ранне-срубной культуры на основании только погребальных памятников представляется преждевременным”. Исследователь писал: “Более оправданно говорить о двух составляющих, двух линиях развития в составе срубной культурно-исторической общности, двух погребальных традициях, вполне сопоставимых в идеологическом отношении и основывающихся на общих мировоззренческих концепциях” [Берестнев, 2001, с. 102].

В.С. Горбунов, который, в целом, положительно оценил гипотезу о существовании двух культур в рамках срубной общности [Горбунов, 2003, с. 98], заметил применительно к “бережновско-маевской срубной культуре”, что возникает “впечатление некоторой искусственности в ее названии и содержании”. К тому же автор обратил внимание на ряд слабых мест, присутствующих в культурогенетических построениях В.В. Отрощенко [Горбунов, 2003, с. 99-101].

⁷ Правда, со временем А.Д. Пряхин стал относиться к рассматриваемой концепции критически, о чем мы скажем ниже.

⁸ Один из авторов предлагаемой работы также однажды в совместной публикации использовал термин “бережнівсько-маївська зрубна культура”, но заранее оговорил с соавтором вставку “(за В.В. Отрощенко)” (Литвиненко, Усачук, 2011, с. 204).

Н.М. Малов отреагировал на концепцию В.В. Отрощенко более резко. Он заявил, что «постановка... вопроса о выделении такого «новообразования», как «покровская срубная культура», представляется глубоко ошибочным заблуждением и концептуальным тупиком» [Малов, 2003, с. 193]. Конкретизируя свое несогласие с построениями В.В. Отрощенко, Н.М. Малов отметил, что исследователь не смог доказать правомерность отнесения «памятников покровского типа» к срубной культуре [Малов, 2003, с. 195]. Он высказал также мысль о том, что «бережновский тип» «не столь визуально узнаваем», как покровский тип, а потому первый, скорее всего является не особым «археологическим типом», а «обрядовой группой срубных захоронений» [Малов, 2003, с. 193].

Е.Н. Черных, размышляя о «степном синдроме непрерывности» культурного полотна», констатировал, что границы между археологическими «сообществами» выглядят «как бы «размазанными», крайне нечеткими и «наползающими» – причем весьма широкими полосами – одна на другую». Иллюстрируя свое положение, исследователь писал: «Трудности подобного рода¹⁰ особенно ярко бросаются и даже «режут» глаз, скажем, при попытках расчленения срубной общности на две как бы равноценные ее составляющие: так называемые покровскую (восточную) и западную – бережновско-маевскую» [Черных, 2007, с. 36]. Правда, автор невольно искажил концепцию В.В. Отрощенко. Согласно данной концепции, «покровско-мосоловская срубная культура» – не вполне «восточная», а «бережновско-маевская срубная культура» – не вполне «западная».

А.И. Юдин, соглашаясь с правомерностью выделения двух срубных культур [Юдин, Матюхин, 2006, с. 68; Юдин, 2010, с. 345], тем не менее отметил, что процесс сложения срубной культуры на севере Нижнего Поволжья был более сложным, чем это представляется В.В. Отрощенко [Юдин,

Матюхин, 2006, с. 72]. Исследователь попытался также оспорить применительно к Нижнему Поволжью «постулат» В.В. Отрощенко о хронологическом приоритете «покровско-мосоловской срубной культуры» перед «бережновско-маевской срубной культурой» [Юдин, 2010, с. 353].

Ряд спорных моментов нашел в концепции В.В. Отрощенко и В.А. Лопатин, в том числе:

а) упрощенный подход к выделению срубных культур «по принципу природно-ландшафтного соответствия»;

б) опора в культурогенетических построениях на работы Л.Н. Гумилева;

в) чрезмерное превознесение роли синташтинцев в культурогенетических процессах предсрубного времени и, вместе с тем, недооценка роли в этих процессах криволукцев;

г) «разнесение» памятников покровского типа в две культуры – доно-волжскую абашевскую и покровско-мосоловскую срубную;

д) «модернизация» «эволюционной концепции А.Д. Пряхина – Ю.П. Матвеева о более или менее прямой преемственности абашевской и срубной культур в диахронии средней и поздней бронзы Доно-Поволжья» [Лопатин, 2010, с. 161-163].

А.Д. Пряхин, который поначалу, как мы помним, поддержал концепцию В.В. Отрощенко, позднее пришел к мысли, что названия «культур», выделяемых автором концепции, не вполне удачны [Пряхин, 2010а, с. 220; 2010б, с. 12-14]. В частности, по мнению А.Д. Пряхина, термин «мосоловская культура» более приемлем, чем термин «покровско-мосоловская культура». Обосновывая свой подход, исследователь заостряет внимание на том, что относительно культурной атрибуции погребений Покровских курганов среди исследователей нет единого мнения, а потому использование термина «покровский» «не вносит ясности в понимание памятников, по отношению к которым употребляется этот

⁹ Имеются в виду памятники покровской культуры, выделенной Н.М. Маловым.

¹⁰ Т.е., трудности, возникающие при попытках определить границы между культурами или общностями (В.П., А.У., В.Ц.).

термин” [Пряхин, 2012, с. 18-19]. Заметим к тому же, что, насколько можно судить по некоторым работам А.Д. Пряхина, его “мосоловская срубная культура” – не то же самое, что “покровско-мосоловская срубная культура” В.В. Отрощенко. К “мосоловской культуре” А.Д. Пряхин относит лишь памятники, ранее включавшиеся им в “донскую лесостепную срубную культуру” [Пряхин, 2011, с. 71; 2012, с. 18-19]. Таким образом, автор не склонен объединять в рамках одной археологической культуры памятники Лесостепного Подонья и Поволжья, как это делает В.В. Отрощенко.

Прозвучал скепсис и относительно взглядов В.В. Отрощенко на происхождение “покровской срубной культуры” [Цимиданов, 2005, с. 70-77]. Также критически была воспринята попытка исследователя обосновать существование двух срубных культур ссылками на различия в половом и возрастном составе умерших, погребенных в могильниках “северного” и “южного” ареалов срубной общности [Цимиданов, 2008, с. 77].

Можно заметить, что исследователей, пытавшихся осмыслить концепцию двух срубных культур, оказалось значительно меньше, чем тех, кто принял ее на веру. Но, вместе с тем, многие авторы выразили свое несогласие с рассматриваемой концепцией “пассивно” – просто проигнорировали ее и продолжают употреблять формулировку “срубная культура”, не торопясь брать на вооружение словосочетания “покровско-мосоловская срубная культура” и “бережновско-маевская срубная культура”.

По нашему мнению, концепция В.В. Отрощенко, несомненно, имеет право на существование. Однако, она порождает вопросы, на которых имеет смысл остановиться. Прежде всего перечислим основные аргументы, приведенные исследователем в пользу правомерности выделения двух срубных культур. Эти аргументы таковы:

1. Ареалы “покровско-мосоловской срубной культуры” (ниже – “ПМСК”) и “бережновско-маевской срубной культуры” (ниже – “БМСК”) не совпадают. Памятники первой выявлены в лесостепи и некоторых северостепных регионах. Памятники второй

исследованы в степи, полупустынях и пустынях. В лесостепь “БМСК” “выходила” лишь на Левобережье Украины [Отрощенко, 2003, с. 73];

2. В двух “культурах” были разные подходы к курганному строительству. Для носителей “ПМСК” возведение кургана являлось последней фазой функционирования грунтового могильника. Население “БМСК”, напротив, возводило курган над первым же совершенным погребением, а затем совершало досыпки для последующих погребений. Поэтому в “ПМСК” преобладали основные погребения, а в “БМСК” – впускные [Отрощенко, 2003, с. 73]. Кроме того, для “ПМСК” не характерно сооружение досыпок [Отрощенко, 2003, с. 81]. Курганы “БМСК” чаще бывают удлиненными, чем курганы “ПМСК” (27,8% всех исследованных курганов против 11,9%). Насыпи курганов “БМСК” “выглядели больше и объемнее” курганов “ПМСК”. В частности, высоту 0,5-1,5 м имели 62,2% насыпей “БМСК”, а высоты курганов “ПМСК” в 51,2% случаев не превышали 0,5 м. Высокие курганы (более 1,5 м) составляли в “БМСК” 16,8%, а у “покровцев” Волго-Уралья 4,9%. Большинство курганов “БМСК” (58,4%) имели диаметр более 20 м, а в “ПМСК” 66,8% курганов имели диаметр до 20 м [Отрощенко, 2003, с. 81];

3. Между двумя “культурами” существовали “заметные” отличия в типах погребальных сооружений. В “ПМСК” большинство погребений совершалось в прямоугольных ямах, перекрытых деревом на уровне древней поверхности. То же имело место в “БМСК”, но при этом перекрытия нередко находились внутри ям или на заплечиках. Специфической чертой “ПМСК” является многокамерность отдельных погребальных сооружений. В “БМСК” нередки “ящичные конструкции” – срубы, каменные ящики, “склепы” [Отрощенко, 2003, с. 73]. При этом срубы были сооружены в 5,1% могил, а каменные ящики – в 7,1% могил. Соответствующие показатели по “ПМСК” – 2,1% и 0,04% [Отрощенко, 2003, с. 81];

4. В двух “культурах” разными являются “векторы доминирующей ориентации” –

северный в “ПМСК” и восточная в “БМСК”. В.В. Отрощенко отметил, что обе “культуры” сближает наличие погребений с северо-восточной ориентировкой, но подчеркнул, что в “ПМСК” преобладают отклонения от нее к северу, а в “БМСК” – к востоку [Отрощенко, 2003, с. 73];

5. “Культуры” демонстрируют разный количественный и качественный состав “сопровождающих вещей”:

а) для “ПМСК” нормой являются 1-2 керамических сосуда в могиле, для “БМСК” – 1. При этом, в среднем, на одно погребение “ПМСК” приходится 1,25 сосуда, а на погребение “БМСК” – 0,9 [Отрощенко, 2003, с. 73-74];

б) хотя остроруберные сосуды присутствуют в обеих “культурах”, в “ПМСК” орнамент на них выполнен преимущественно зубчатым штампом, а в “БМСК” – шнуровым [Отрощенко, 2003, с. 74];

в) остатки мясной напутственной пищи в “ПМСК” представлены, главным образом, ребрами, а в “БМСК” – ребрами или “копчиками с хвостом”. К тому же в “БМСК” эта пища помещалась в могилы на деревянных блюдах [Отрощенко, 2003, с. 74];

г) расстиланье на перекрытиях погребений шкур жертвенных животных надежно зафиксировано лишь в “БМСК” [Отрощенко, 2003, с. 74];

д) хотя в погребениях обеих “культур” встречаются бронзовые ножи “срубного” типа, морфологически они различаются, что позволяет по форме данного изделия определять культурную принадлежность захоронения [Отрощенко, 2003, с. 74];

е) погребения с оружием встречаются исключительно в “ПМСК”, где известно около 70 комплексов с этими изделиями [Отрощенко, 2003, с. 74];

ж) показательным для “ПМСК” является “устоявшийся набор женских украшений”, включающий желобчатые височные подвески, браслеты и фаянсовые бусы. В “БМСК” встречаются лишь проволочные височные подвески [Отрощенко, 2003, с. 74];

6. Обнаруживаются различия в половом и возрастном составе людей, погребенных в могильниках обеих “культур”. В “ПМСК” соотношение мужчин и женщин, взрослых и детей выглядит сбалансированным, в “БМСК” мужских погребений втрое больше, чем женских, а погребений взрослых – втрое больше, чем погребений детей [Отрощенко, 2003, с. 75];

7. Для “ПМСК” характерны углубленные жилища, сооруженные из дерева, а для “БМСК” – “комплексы усадебного типа” с широким использованием камня в качестве строительного материала [Отрощенко, 2003, с. 75];

8. Для “ПМСК” было характерно скотоводческое хозяйство, а для “БМСК” – скотоводческо-земледельческое. Судя по анализу содержимого сосудов, носители “ПМСК” употребляли пищу исключительно животного происхождения, а носители “БМСК” – как животного, так и растительного [Отрощенко, 2003, с. 75];

9. Носители двух культур использовали металл разных горно-металлургических центров – Каргалинского (“ПМСК”) и Донецкого (“БМСК”) [Отрощенко, 2003, с. 75].

Отталкиваясь от данных положений, В.В. Отрощенко делает вывод, что между выделяемыми им “культурами” существовали различия системного характера [Отрощенко, 2002, с. 11-13].

Аргументы автора впечатляют, однако имеет смысл их критически проанализировать. Но прежде стоит оговорить один нюанс. Выделяя захоронения срубной культурно-исторической общности, мы стоим на несколько иных позициях, чем В.В. Отрощенко. В частности, мы не считаем возможным включать в срубную общность памятники Нижнего Поволжья, которые Н.М. Малов и некоторые другие исследователи (см., например: [Лапшин, 2006, с. 9-19; Сергеева, 2007а, с. 119; Сергацков и др., 2012, с. 41 и др.]) относят к покровской культуре¹¹ (применительно к данным памятникам используется также

¹¹ Ниже, употребляя термин “покровская культура”, мы будем иметь в виду именно это культурное явление, а не “ПМСК”.

формулировка “покровский культурный тип” (“покровский тип”) [Мыськов, 1991, с. 157; Гончарова, 2000, с. 590 и др.; Ляхов, 2009, с. 27; Лопатин, 2010, с. 161, 162 и др.; Юдин, 2010, с. 345]). Роль покровской культуры в сложении срубной культуры¹² несомненна. Последняя восприняла от покровской культуры очень многие элементы. Вместе с тем, как совершенно справедливо отметил Н.М. Малов, трактовка покровских памятников как раннесрубных “приводит к подмене понятий и однолинейному схематизму в решении сложных проблем происхождения и формирования СКИО¹³” [Малов, 2007, с. 41]. Добавим, что ранние покровские памятники синхронны культурным образованиям досрубного времени, к каковым относятся синташтинская культура, памятники потаповского типа, доно-волжская абашевская культура и некоторые другие [Цимиданов, 2005, с. 71-73, 75; Лапшин, 2006, с. 13]. В итоге, если мы будем включать памятники покровской культуры в срубную культуру, то тем самым удревним возникновение последней и отнесем ее ранний этап к периоду, который В.В. Отрощенко удачно назвал переходным от средней к поздней бронзе [Отрощенко, 2001, с. 43 и след.]. А это будет противоречить взглядам самого В.В. Отрощенко, согласно которым срубные памятники относятся к эпохе поздней бронзы [Отрощенко, 2001, с. 75]. Следует уточнить, что досрубный возраст части памятников покровской культуры признает и В.В. Отрощенко. Правда, при этом он производит “хирургическое вмешательство”, утверждая: “Комплексы покровской культуры, выделяемой Н.М. Маловым и О.В. Кузьминой, лишь частично входят в первый период покровско-мосоловской срубной культуры, а наиболее ранней своей частью принадлежат к доно-волжской абашевской культуре”

[Отрощенко, 2003, с. 76]. Как нам кажется, автору следовало бы назвать конкретные комплексы Среднего и Нижнего Поволжья, относящиеся, по его мнению, к доно-волжской абашевской культуре. Кроме того, вряд ли следует смешивать концепции Н.М. Малова и О.В. Кузьминой. Эти исследователи понимали под “покровской культурой” разные явления. Первый относил к покровской культуре памятники, которые по погребальному обряду и инвентарю (особенно – керамике) близки к захоронениям, исследованным П.С. Рыковым в курганах близ Покровска (нынешняя Саратовская обл.)¹⁴. Вторая включала в свою “покровскую культуру” преимущественно памятники Среднего Поволжья [Кузьмина, 1995], которые с эпонимным могильником имеют минимум сходства, о чем одному из авторов предлагаемой статьи уже приходилось писать [Житников, Цимиданов, 1999, с. 135-136]. Добавим, что культуры, обозначенные Н.М. Маловым и О.В. Кузьминой одним и тем же термином – “покровская культура”, к тому же не полностью синхронны. “Покровская культура” О.В. Кузьминой может быть синхронизирована лишь с поздним этапом культуры, выделенной Н.М. Маловым. Раннему же этапу покровской культуры Нижнего Поволжья в Среднем Поволжье синхронны памятники потаповского типа.

Теперь рассмотрим аргументацию, предложенную В.В. Отрощенко в защиту концепции существования двух срубных культур.

Аргумент 1 – несовпадение ареалов “культур” “запрограммирован” отнесением к “ПМСК” преимущественно лесостепных памятников, а к “БМСК” – преимущественно степных. Отметим, что на определенные различия, существующие между лесостепными и степными срубными памятниками обращали внимание и пред-

¹² Имеет смысл уточнить, какие оттенки мы вкладываем в понятия “срубная культура” и “срубная культурно-историческая общность”. Под первым мы понимаем культуру в ее этнографическом смысле, т.е. все то, что было создано срубными племенами как в материальной, так и в духовной сфере, под вторым – совокупность социумов, оставивших памятники данной культуры.

¹³ Т.е., “срубной культурно-исторической области” (В.П., А.У., В.Ц.).

¹⁴ Такой подход мы считаем единственно правильным.

шественники В.В. Отрощенко. В частности, Н.К. Качалова еще в 1970-е годы писала о правомерности разделения ареала срубной культурно-исторической общности на лесостепную и степную зоны. Она подчеркивала, что в основе такого деления лежат различия в хозяйственном укладе и облике материальной культуры (в т.ч. орнаментации керамики). При этом Н.К. Качалова не считала возможным говорить о двух разных культурах – лесостепной и степной [1974а, с. 15-18; 1977, с. 23-24]. В.В. Отрощенко, занявшись выделением срубных культур, абстрагировался от нюанса, на котором заострила внимание Н.К. Качалова: срубные памятники разных регионов лесостепной зоны демонстрируют особенности в “орнаментации, профилировке сосудов и деталях погребального обряда” [Качалова, 1977, с. 24]¹⁵. В итоге исследователь вольно или невольно “снивелировал” различия между памятниками как в пределах “северного ареала”, так и в пределах “южного ареала”.

Кроме того, В.В. Отрощенко территориально дистанцировал друг от друга (и, на наш взгляд, вполне справедливо) памятники “покровской” и “бережновской” “линий развития”. Напомним, что авторы гипотезы об этих “линиях” стояли на несколько иных позициях. В частности, они выделяли на одной и той же территории – в лесостепном Поволжье – и “покровские” погребения, и погребения, близкие “бережновским” [Васильев др., 1993, с. 68; Семенова, 2000, с. 157, 168-170]. А.П. Семенова при этом констатировала: “Обе группы... имеют общие, характеризующие единую культуру показатели в погребальном обряде и инвентаре. Специфика объясняется различной степенью проявления абашевского и полтавкинского компонентов в формировании срубной культуры. В степном Поволжье прослеживается аналогичная ситуация” [2000, с. 170]. Однако, с течением

времени упомянутая идея “потускнела”. В частности, О.Д. Мочалов, скрупулезно проанализировав керамику из срубных погребений лесостепного Волго-Уральского междуречья, пришел к выводу, что “в отношении керамического материала разделение лесостепных памятников на покровские и бережновские представляется искусственным” [Мочалов, 2008, с. 235].

Перейдем к **аргументу 2**. В.В. Отрощенко считает, что для курганного строительства “ПМСК” характерно сооружение курганов над первоначально грунтовыми могильниками на последней фазе функционирования последних и отсюда – преобладание в “ПМСК” основных погребений, в отличие от “БМСК”. Нелишне отметить, что данная особенность присуща регионам “северного ареала” в разной степени. Результаты наших подсчетов показывают существенные локальные различия (см. Табл. 1)¹⁶. Так, на территории Челябинской обл. и Башкортостана, действительно, практически нет курганов, где срубные захоронения являлись бы впускными. Но в Самарской и Оренбургской областях удельный вес таких курганов достаточно высок, а в Саратовской обл. он лишь немногим уступает соответствующему показателю по Харьковской обл. (ареал “БМСК”) (см. Табл. 2). Наиболее интересна ситуация в Воронежской обл. Там картина оказывается ближе не к той, которую демонстрируют более восточные регионы “ПМСК”, а к имеющей место на территории Харьковская обл., относимой В.В. Отрощенко к ареалу “БМСК”.

Добавим, что на территории Саратовской и Воронежской областей в массивах учтенных нами срубных погребальных комплексов удельный вес впускных захоронений составляет 53,2% и 56,9%. Это несколько

¹⁵ То же, несомненно, касается и памятников степной зоны, на что Н.К. Качалова также обращала внимание [1974а, с. 18].

¹⁶ В эту и последующие таблицы мы включали данные лишь по тем регионам, применительно к которым у нас имеются более или менее репрезентативные выборки захоронений. Выделение регионов на основе современных административных единиц, несомненно, очень условно, но поскольку так поступал В.В. Отрощенко в рассматриваемых нами работах, мы сочли возможным пойти по такому же пути.

ниже, чем показатель по Харьковской обл. (64,3%) и значительно ниже, чем показатели по некоторым другим областям Украины (см. Табл. 3). Но, тем не менее, говорить о том, что во всем ареале “ПМСК” основные срубные погребения численно преобладают над впускными, мы бы поостереглись. Таким образом, по рассматриваемому критерию территории Саратовской и Воронежской областей “выпадают” из ареала “ПМСК”. А из ареала “БМСК” “выпадают” памятники Восточного Прикаспия. Здесь срубные погребения по большей части являются основными в курганах [Мандельштам, 1966, с. 105-107; 1967, с. 61-63; Баландина, Астафьев, 1996, с. 133-137¹⁷].

Вместе с тем, нельзя отрицать, что именно в ареале “ПМСК” (преимущественно, – в Поволжье и восточнее) относительно часто встречаются курганы, где число основных срубных захоронений превосходит десяток, а иногда даже составляет более двух десятков (см., например: [Смирнов, Попов, 1968, с. 114; Нигматуллин, 1981, с. 145; Изотова, 1997, с. 78-79; Семенова, 2000, с. 171]). Своеобразным “рекордом” является к. 9 могильника Кайбелы, Ульяновская обл., где исследовано 99 погребений [Васильев и др., 1985, с. 81]. По нашим наблюдениям, курганы, содержавшие более 30 погребений, были раскопаны исключительно на территориях Ульяновской, Самарской и Оренбургской областей. Для сравнения, на территории Челябинской обл. максимальное число основных срубных погребений в кургане, по известным нам данным, составляло 15, в Башкортостане – 24, в Саратовской обл. – 27, а в Воронежской обл. – 11.

В ареале “БМСК” тоже исследованы курганы, возведенные над серией основных срубных захоронений. В частности, серия таких курганов была раскопана на территории Донецкой обл. Например, в кургане 4 могильника Огородное число

основных срубных погребений составляло не менее 10 [Посредников, Зарайская, 1993, с. 148-175], в кургане 5 из Ивано-Дарьевки I – 15 [Литвиненко, Полидович, 2001, с. 143], в кургане Малый Кут – 11 [Привалова, 2001, с. 145-153], в кургане 1 из Нововасильевки, вероятно – 13 [Кудлай, Полидович, 2004, с. 136-152]. Рассматриваемые курганы исследованы также на территории Луганской обл. Так, в кургане 17 могильника Астахово IV выявлено 17 основных погребений [Евдокимов, 1992, с. 9-12], а в условном кургане 5 (некрополь на естественном возвышении [Братченко и др., 2004, с. 72; Братченко, 2008, с. 216]) из Александровска – 13¹⁸. Наконец, упомянем курган 3 могильника Золотые Горки II, Ростовская обл., где, вероятно, было 16 основных погребений [Труды..., 2002, с. 8-9]. Но подобные курганы для ареала “БМСК” являются исключениями. Как правило, в курганах степной зоны число основных погребений редко достигало десятка. На наш взгляд, данный факт может быть объяснен тем, что в степи доминировало отгонное скотоводство [Антипина, Моралес, 2005, с. 40-42]. В условиях этой формы хозяйства часть жителей поселений, перегоняя скот в поисках пастбищ, надолго покидала сородичей и, соответственно, места локализации общинных могильников. Если кто-то из этих “ковбоев” погибал во время перегона, у его товарищей могло не быть возможности доставить тело в селение. В итоге многие из людей оказывались погребенными в “чужих” курганах.

Итак, сформулированные В.В. Отрощенко особенности курганного строительства “ПМСК” в ареале данной “культуры” проявляются крайне неравномерно. Сильнее всего они выражены в Среднем Поволжье и на Южном Урале. На севере Нижнего Поволжья (Саратовская обл.) и в Среднем Подонье (Воронежская обл.) ситуация с курганным строительством ближе к той, которую де-

¹⁷ Авторы публикации отнесли данные захоронения к “культурам андроновского круга” [Баландина, Астафьев, 1996, с. 144]. На наш взгляд, ближе к истине В.В. Отрощенко, трактующий эти комплексы как срубные [Отрощенко 2000б, с. 89; 2001, с. 173].

¹⁸ Раскопки И.А. Пислария 1972 г. Авторы благодарны О.Р. Дубовской за предоставленную информацию.

монстрируют некоторые регионы “БМСК”, особенно – Харьковская и Днепропетровская области.

Что касается **различий в параметрах курганов “ПМСК” и “БМСК”**, то и здесь не все так однозначно, как декларирует В.В. Отрощенко. Удлиненные курганы, действительно, более характерны для “БМСК”. Но, вместе с тем, их удельный вес в отдельных регионах “ПМСК” довольно высок. В частности, показатели по Челябинской и Воронежской областям вполне сопоставимы с показателями по Днепропетровской, Донецкой и Ростовской областям (см. Табл. 4). Курганы с диаметром, превышающим 20 м, которые, согласно В.В. Отрощенко, составляют большинство курганов “БМСК”, в Самарской, Саратовской и Воронежской областях встречаются даже чаще, чем в Донецкой и Ростовской областях. Довольно высок удельный вес таких курганов и в Оренбургской обл. – показатель по ней превышает соответствующий показатель по Ростовской обл. (Табл. 4). Курганы высотой более 0,5 м (и до 1,5 м) в ряде регионов “ПМСК” встречаются чаще, чем в Ростовской обл. А удельный вес высоких курганов (более 1,5 м) в Самарской обл., по нашим данным, превышает данный показатель по Донецкой обл. и лишь немного уступает показателю по Запорожской обл. (Табл. 4). Добавим, что отмеченное В.В. Отрощенко превосходство курганов “БМСК” над курганами “ПМСК” по объему было предопределено склонностью степного населения к сооружению досыпок. Эта склонность может быть объяснена весьма просто. При значительной мобильности многих степных “коллективов”, представителям последних проще было увеличить размеры уже существующего кургана, чем возвести новый на пустом месте.

Рассмотрим **аргумент 3**. В.В. Отрощенко констатирует, что **между двумя “культурами” существовали “заметные” различия в типах погребальных сооружений**. На наш взгляд, эти различия не

стоит абсолютизировать. Автор отметил, что некоторые погребения “ПМСК” являются многокамерными. Данным погребальным сооружениям исследователь посвятил отдельную работу [Отрощенко, 1997б]. Из погребений, которые фигурируют в ней, только четыре, на наш взгляд, могут быть отнесены к срубному времени: Неприк, п. 1, Самарская обл. [Отрощенко, 1997б, с. 69], Быково I, 1/5 [Отрощенко, 1997б, с. 66-68], Усатово, G-5/8 [Отрощенко, 1997б, с. 68], Волгоградская обл., Лофицкий, п. 5, Воронежская обл. [Отрощенко, 1997б, с. 69]. Упомянутые комплексы, учитывая их географическую локализацию, при желании можно отнести к “ПМСК”. Но их слишком мало, чтобы считать “склепы” особенностью именно “ПМСК”.

Спецификой “БМСК”, согласно В.В. Отрощенко, являются “ящичные конструкции” – срубы, каменные ящики и “склепы”¹⁹. Что касается срубов, то в эпоху поздней бронзы их сооружали на огромной территории от Челябинской обл. на востоке (см., например: [Стоколос, 1972, с. 164; Баталов и др., 1996, с. 70-71; Корочкова, Корякова, 2005, с. 135, 137) до Днепровского Правобережья на западе (см, например: Ковалева, Шалобудов, 1992, с. 8, 16, 26, 32, 33-34)]. При этом срубы выявлены как в ареале “ПМСК”, так и в ареале “БМСК”, что отмечает и В.В. Отрощенко [2003, с. 81]. Правда, в первом они встречаются реже. Например, по нашим подсчетам, в Челябинской обл. 2,0% срубных погребений были совершены в срубах. Показатель по Башкортостану составляет 0,2%, по Самарской обл. – 0,5%²⁰. Но, вместе с тем, показатель по Воронежской обл. – 8,1%. Это – ниже, чем показатели по Сумской и Харьковской, Полтавской, Днепропетровской и Кировоградской областям Украины (см.: [Цимиданов, 2004в, табл. 4]). Однако, данный показатель выше, чем показатели по Запорожской обл. (0,6% по теперешним нашим подсчетам) и Крыму (0,9% по тем же подсчетам). Добавим к отмеченному, что показатель по

¹⁹ Не ясно, что автор имеет в виду под “склепами”. Возможно, – цисты.

²⁰ Более объективные данные по Самарскому Поволжью приведены в работе А.И. Крамарева: 41 сруб на 2330 погребений [Крамарев, 2003, с. 279, 283], т.е. 1,8%.

Ростовской обл. в пределах Нижнего Подонья составляет лишь 0,2%. Из всего отмеченного видно, что срубы не являются отличительным признаком “БМСК”. Они встречаются и в ареале “ПМСК”, причем к западу от Поволжья число захоронений с данными сооружениями возрастает. При этом в некоторых регионах “ПМСК” удельный вес погребений в срубах более высок, чем в некоторых регионах “БМСК”.

Ситуация с каменными ящиками также не проста. Данные могильные сооружения выявлены во многих регионах “БМСК”, где имеются выходы камня (см.: [Цимиданов, 2004в, табл. 4; рис. 25]). К востоку от Северо-Восточного Приазовья их практически нет. Показатель по Нижнему Дону составляет лишь 0,7%. Вместе с тем, каменные ящики встречаются и в ареале “ПМСК”. Они известны, например, в Челябинской обл. [Костюков, Алаева, 2004, с. 9-10, 22], где погребения в этих конструкциях составляют около 1,0% учтенных нами срубных захоронений. Итак, “ящичные” погребальные сооружения не демонстрируют жесткой связи именно с “БМСК” и в пределах последней распределены крайне неравномерно. Их удельный вес в конкретных регионах (по крайней мере, к западу от Поволжья), очевидно, был обусловлен наличием определенных ресурсов – дерева или камня, а вовсе не культурными традициями некоторых коллективов. Добавим, что основные типы погребальных сооружений обеих “культур” тождественны. Это – ямы с перекрытиями, что признает и В.В. Отрощенко [2003, с. 73]. Перекрытия, как правило, сооружались из дерева. В ареале “БМСК” нередко встречаются перекрытия из камня, что характерно для регионов, богатых данным сырьем. Заметим, что сооружение каменных перекрытий практиковало и население ареала “ПМСК” (см., например: [Памятники..., 1993,

табл. 1, № 512-526, 529, 532, 534-550, 552-562; Моргунова, 1999, с. 41-44; Крамарев, 2003, с. 286; Костюков, Алаева, 2004, с. 11, 14, 16, 21, 28, 32, 34, 36, 38, 44]). В частности, на территории Оренбургской обл. 32% учтенных нами срубных погребений были совершены в ямах с каменными перекрытиями.

Что касается размещения перекрытий многих захоронений “БМСК” внутри могильных ям или на заплечиках, а не на верхнем уровне ям (как это характерно для “ПМСК”), на чем заострил внимание В.В. Отрощенко [2003, с. 73], то данная особенность присуща, главным образом, впускным погребениям. Локализация перекрытий в основных захоронениях “БМСК” в подавляющем большинстве случаев ничем не отличается от той, которую демонстрируют комплексы “ПМСК”.

Суть **аргумента 4** заключается в том, что двум “культурам” присущи разные векторы доминирующей ориентировки²¹. Определяя эти векторы, В.В. Отрощенко пошел по пути вычисления “среднего арифметического”. Заметим, что против подобного подход много лет назад выступил В.С. Горбунов. Он отмечал: “Создается впечатление, что фактически единой ориентировки у срубников нет, поэтому ее нельзя рассматривать суммарно и пытаться вывести простым арифметическим сложением данного обряда на разных памятниках и установлением процентных соотношений”²² [Горбунов, 1997, с. 75]²³. Действительно, ситуация в ареалах выделяемых В.В. Отрощенко “культур” – значительно сложнее, чем это следует из работ исследователя. Результаты наших подсчетов (см. Табл. 5) свидетельствуют о том, что лишь на территории Челябинской обл. и Башкортостана северная ориентировка, а также – северо-северо-западная и северо-северо-восточная ориентировки, ве-

²¹ В.В. Отрощенко употребляет термин “ориентация”, но по нынешним временам он не вполне приличен, ибо ассоциируется с “половой ориентацией”. Термин же “ориентировка” более нейтрален.

²² Мысль сформулирована, на наш взгляд, несколько “шероховато”, но смысл ее вполне ясен.

²³ Работа относится к 1990 г. (сборник тезисов, где она опубликована, увидел свет с большим опозданием), а потому замечание В.С. Горбунова ни в коей мере не может быть реакцией на методику В.В. Отрощенко.

роятно, производные от нее²⁴, безраздельно господствуют над прочими. В массиве срубных захоронений Самарской обл. меридиональная ориентировка встречается ненамного чаще, чем северо-восточная, а в массивах захоронений Оренбургской, Саратовской и Воронежской областях – даже реже, чем северо-восточная. Таким образом, меридиональная ориентировка доминировала отнюдь не во всех регионах “ПМСК”. Отсюда утверждение В.В. Отрощенко, согласно которому ориентировка захоронений является самым универсальным критерием, позволяющим определять культурную принадлежность каждого конкретного могильника [Отрощенко, 2003, с. 73], представляется нам чрезмерно абсолютизированным. Применительно к ряду регионов (Оренбургская, Саратовская, Воронежская области) упомянутый критерий не всегда “срабатывает”.

Можно обратить внимание на то, что удельный вес захоронений, демонстрирующих меридиональную ориентировку, сокращается с востока на запад. При этом возрастает частота встречаемости северо-восточной ориентировки. Что стоит за данным явлением, мы не беремся судить, тем более, что на нынешнем этапе изучения срубной культуры все еще не вполне ясно, чем предопределялась ориентировка срубных захоронений. На сей счет была высказана серия гипотез. Так, некоторые исследователи допускали, что носители срубной культуры ориентировали погребенных на восход солнца [Лопатин, 2010, с. 118; Кириллов, 2011, с. 181-183, 188]. Другие полагали, что во многих случаях имела место ориентировка на луну [Иванов, 1978]. Выдвинута также гипотеза, согласно которой умершего ориентировали лицом или ногами в сторону царства мертвых [Берестнев, 2001, с. 99; Циміданов, 2004б, с. 237, 237]. В.С. Горбунов допустил применительно к территории Волго-Уральской лесостепи, что умерших могли ориентировать на “идеологический

центр” или место, “которое в идеологической жизни срубников играло особо важную роль” [Горбунов, 1997, с. 75]. Добавим, что в ряде случаев – при круговом расположении погребений в кургане – ориентировка некоторых из них могла быть предопределена локализацией данных захоронений в пределах подкурганной площадки [Мерперт, 1958, с. 93; Семенова, 2000, с. 172]. Наконец, отдельные захоронения ориентировались на “престижные” могилы [Лопатин, 2010, с. 110].

Возвращаясь к “ПМСК”, отметим, что более правомерным будет говорить не об одной традиции ориентировки, а о двух – меридиональной и ориентировке на северо-восток. Соотношение этих двух “векторов” было различным не только в разных регионах “ПМСК” (табл. 5), но и в разных могильниках даже в пределах одного региона. При подсчетах использовались публикации могильников Старые Ябалаклы, Башкортостан [Горбунов, Морозов, 1991, с. 13-51], Ягодное и Хрящевка [Мерперт, 1954, с. 44-131], Лузановка [Васильев, 1977, с. 8-35], Волчанка [Кузнецова, Седова, 1991, с. 161-175] и Съезжее [Колев, 2003, табл.], Самарская обл. Из таблицы видно, что могильники Самарской обл. Ягодное и Хрящевка демонстрируют очень высокий удельный вес меридиональной ориентировки, значительно превосходящий соответствующие показатели по могильникам Лузановка и Съезжее, раскопанным в той же Самарской обл., причем показатель по первым двум могильникам близок к показателю по могильнику Старые Ябалаклы, Башкортостан. Любопытную картину показывает могильник Съезжее. Здесь удельный вес захоронений с восточной, восточно-северо-восточной и восточно-юго-восточной ориентировками²⁵ значительно выше, чем в других могильниках Самарской обл. Довольно высокий удельный вес захоронений с широтной ориентировкой демонстрируют также массивы срубных захоронений Оренбургской и Воронежской

²⁴ Ниже все эти три ориентировки, взятые суммарно, мы с некоторой долей условности будем именовать меридиональной ориентировкой.

²⁵ Ниже все эти три ориентировки, взятые суммарно, мы с некоторой долей условности будем именовать широтной ориентировкой.

областей (см. Табл. 5). Таким образом, ситуация с ориентировкой погребений в конкретных регионах “ПМСК” имеет свои особенности, и едва ли корректно ее “усреднять”.

Применительно к Саратовской обл. интересно сравнить данные по срубной культуре, с одной стороны, и покровской культуре, с другой. Из таблицы 5 видно, что в первой выше удельный вес погребений с северо-восточной и широтной ориентировками, но ниже – с меридиональной. Отсюда можно констатировать, что на севере Нижнего Поволжья в начале эпохи поздней бронзы имело место постепенное нарастание удельного веса захоронений, ориентированных на северо-восток и широтно.

Рассмотрим ориентировку погребений в ареале “БМСК”. Результаты наших подсчетов (см. Табл. 7) показывают, что меридиональная ориентировка чаще всего встречается на Харьковщине. Здесь удельный вес захоронений с данной ориентировкой лишь незначительно уступает показателю по Воронежской обл. В степных областях Украины и на юге Ростовской обл. частота встречаемости меридиональной ориентировки намного ниже, причем, ниже всего она в Херсонской обл. и в Крыму. Таким образом, удельный вес захоронений с меридиональной ориентировкой падает по мере удаления от лесостепи. Похоже, с севера на юг уменьшается и частота встречаемости северо-восточной ориентировки. В частности, из таблицы 7 видно, что данный показатель в Днепропетровской и Луганской областях выше, чем в Запорожской, Херсонской областях, Крыму и Ростовской обл. Правда, показатель по Харьковской обл. – еще ниже, чем на юге степи. С севера на юг происходит также возрастание удельного веса захоронений с широтной ориентировкой.

Интересные соображения относительно соотношения меридиональной и широтной ориентировок в массиве срубных захоронений украинской Лесостепи были вы-

сказаны С.И. Берестневым. Он отметил, что эти ориентировки “вполне совместимы по отношению к строго регламентированному месту расположения потустороннего мира, куда должны были направляться души усопших”. Автор выделил захоронения с широтной и меридиональной ориентировками в отдельные обрядовые группы (3-ю и 4-ю). По его мнению, в обоих случаях правомерно говорить о южной ориентировке погребенных с той разницей, что в 3-й группе покойники были уложены на юг лицом, а в 4-й – ногами [Берестнев, 2001, с. 99-100]. Появление двух отмеченных традиций ориентировки исследователь связывает с миграциями. При этом традицию широтной ориентировки С.И. Берестнев выводит из Нижнего Поволжья и степного Волго-Донского междуречья, а традицию меридиональной ориентировки – из Среднего Поволжья. Соответственно, автор считает правомерным выделять на территории восточнорусской лесостепи “памятники нижневолжского типа” и “памятники средневолжского типа” [Берестнев, 2001, с. 100-101].

Подводя итог рассмотрению аргумента 4, можно констатировать, что в ареалах обеих “культур” ориентировки погребений демонстрируют значительную вариативность. Отсюда, на наш взгляд, использовать данное проявление погребальной обрядности при выделении культур в пределах срубной общности нужно весьма осторожно.

Согласно **аргументу 5а**, для “ПМСК” нормой являются 1-2 керамических сосуда в могиле, а для “БМСК” – 1. При этом, в среднем, на одно погребение “ПМСК” приходится 1,25 сосуда, а на погребение “БМСК” – 0,9. Результаты наших подсчетов подтверждают наблюдения В.В. Отрощенко (см. Табл. 8²⁶; 10). Вместе с тем, стоит учесть ряд нюансов. В ареале “ПМСК” наблюдается сокращение среднего числа сосудов на одно погребение с востока на запад. В итоге показатели по регионам “БМСК” сильно уступают показателям по Челябинской области и Баш-

²⁶ При составлении таблиц 8-11 из погребений с 2 и более костяками учитывались лишь те, где сосуды тяготели к конкретным погребенным, и при этом каждый костяк условно рассматривался как отдельное погребение.

кортостану, но мало уступают показателям по Самарской, Саратовской и Воронежской областям. А показатель по Оренбургской обл. вообще оказывается равным или уступающим показателям по “БМСК” различных регионов. Добавим, что в ареале “ПМСК” рассматриваемый показатель сильно варьирует в разных могильниках (см. Табл. 9). В частности, по могильнику Съезжее, Самарская обл. он оказывается таким же, как в ряде регионов “БМСК”. Обратим внимание и на еще один нюанс. В пределах территории срубной общности имеет место сокращение удельного веса захоронений с 2 и более сосудами с севера на юг (см. Табл. 11). Важно, что это фиксируется не только при переходе от ареала “ПМСК” к ареалу “БМСК”, но и в ареале последней. Например, в пределах Донецкой обл. данный показатель на Донецком кряже выше, чем в Приазовье. В Ростовском Донбассе он также выше, чем в районах области, относящихся к Северо-Восточному Приазовью, Нижнему Подонью и Предкавказью (см. Табл. 11). Из отмеченного можно сделать вывод, что меньшее (в среднем) число сосудов в погребениях “БМСК”, по сравнению с погребениями “ПМСК” предопределяли не культурные различия, а определенные, не вполне понятные, “глобальные” тенденции “поведения” рассматриваемого признака, имевшие место в пределах всей территории срубной общности.

Аргумент 5б заключается в том, что в “ПМСК” орнамент на керамике выполнен преимущественно зубчатым штампом, а в “БМСК” – шнуровым. Произведенные нами подсчеты (см. Табл. 12) также показывают, что в “северном ареале” орнамент, выполненный зубчатым штампом, встречается значительно чаще, чем шнуровой. Однако, на ситуацию можно посмотреть и под иным углом зрения. Частота встречаемости погребальной керамики, орнаментированной зубчатым штампом, не только сокращается при переходе от ареала “ПМСК” к ареалу “БМСК”, но и “ведет” себя довольно динамично в пределах этих ара-

лов. По нашим подсчетам, данный показатель наиболее высок на территории Самарской обл. За пределами этого региона он падает как по направлению к востоку (ср. данные по Самарской и Челябинской областям), так и по направлению к западу (ср. данные по Самарской и Воронежской областям). При этом разница между показателями по Самарской и Воронежской областям оказывается даже большей, чем разница между Воронежской и Харьковской областями. Вместе с тем, удельный вес сосудов со шнуровым орнаментом в Воронежской обл. значительно более высок, чем соответствующие показатели по Южному Уралу, Среднему Поволжью и северу Нижнего Поволжья (Саратовская обл.). Здесь стоит вспомнить наблюдение, сделанное много лет назад Н.К. Качаловой. Рассматривая срубные памятники лесостепи, исследовательница писала о том, что в северо-восточном “районе” (Среднее Поволжье и Приуралье) “гребенчатый штамп преобладает, а веревочной используется меньше”, и что применение гребенчатого штампа “в процентном отношении резко снижается по мере продвижения на юго-запад” (на Средний Дон и Северский Донец) [Качалова, 1977, с. 27]. По мнению Н.К. Качаловой, возрастание частоты встречаемости на срубной керамике шнурового орнамента по мере продвижения носителей данной культуры на юго-запад произошло вследствие влияния на них катакомбников [Качалова, 1977, с. 27]. Естественно, сейчас, когда надежно установлено, что срубные и катакомбные племена не могли контактировать, ибо жили в разные эпохи, предложенное Н.К. Качаловой объяснение не может быть принято. Более уместным будет предполагать, что высокий, по сравнению со Средним Поволжьем и севером Нижнего Поволжья, удельный вес шнуровой орнаментации на Среднем Дону, является “наследием” доново-волжской абашевской культуры. Здесь рассматриваемый орнамент присутствует на 9% сосудов [Пряхин и др., 2001, с. 125]²⁷.

²⁷ Из отмеченного вовсе не следует, что мы признаем гипотезу о перерастании доново-волжской абашевской культуры в срубную. На наш взгляд, носители срубной культуры, придя с востока на Средний Дон, ассимилировали абашевское население, но при этом переняли у него ряд культурных элементов, включая “моду” на шнуровой орнамент.

Значительно труднее объяснить высокую частоту встречаемости орнамента, выполненного шнуром, в лесостепи и степи Украины, а также – на юге Ростовской обл. (17,5-32,6% в различных регионах). Одним из компонентов генезиса “БМСК”, согласно построениям В.В. Отрощенко, является днепро-донская бабинская культура [Отрощенко, 2003, с. 80]. Аналогичные взгляды высказывали и другие исследователи (см., например: [Писларий, 1976; Березанская, Чередниченко, 1985, с. 472; Ковалева, 1997; Литвиненко, 2009, с. 25]). Однако, для керамики позднего этапа данной культуры орнамент, нанесенный шнуром, не характерен. Мы можем утверждать это на основании раскопок поселения Казачья Пристань, Донецкая обл. (Среднее Подонцовье), производившихся Э.Е. Кравченко в 1998, 1999 и 2002 гг.²⁸ Здесь исследовался слой днепро-донской бабинской культуры, который, судя по типу выявленных в нем костяной пряжки и заготовок подобных пряжек следует датировать самым поздним периодом существования рассматриваемой культуры [Усачук, Литвиненко, 2001, с. 113]. Из слоя происходят 329 орнаментированных фрагментов керамики. При этом на 85,7% фрагментов орнамент был выполнен на лепными валиками (гладкими и расчлененными), на 6,7% – прочерченными линиями, на 1,5% – насечками и вдавлениями (в т.ч. пальцевыми), на 4,3% – валиками в сочетании с прочерченными линиями, на 1,5% – валиками в сочетании с насечками и вдавлениями, на 0,3% – вдавлениями в сочетании с прочерченными линиями. Ни на одном из фрагментов орнамент не был выполнен оттисками шнура. Естественно, из этого не следует, что на посуде днепро-донской бабинской культуры шнуровая орнаментация вообще отсутствует. В некоторых случаях она все-таки встречается (см., например: [Шарафутдинова, 1987, рис. 1, 7]), но – не настолько часто, чтобы допускать, что именно контакты с носителями этой культуры дали импульс распространению в “БМСК” шну-

ровой орнаментации. Иная ситуация имела место в каменско-ливленцовой группе. Здесь шнур довольно часто использовался для выполнения орнамента (19% орнаментированных фрагментов сосудов с шейкой) [Братченко, 2006, с. 121]. Отсюда нельзя исключать того, что широкое распространение орнамента, нанесенного шнуром, на посуде срубной культуры (по крайней мере, в степной части Днепро-Донского региона) было обусловлено влиянием населения каменско-ливленцовой группы. Впрочем, проблема высокой частоты встречаемости шнурового орнамента в срубной культуре на территории Украины заслуживает специального рассмотрения.

Возвращаясь к количественному соотношению гребенчатого и шнурового орнамента в различных регионах срубной общности, обратим внимание на довольно близкую и относительно высокую частоту встречаемости первого в Волгоградском Поволжье²⁹, на юге Ростовской обл. и в Донецкой обл. Но далее к западу данный показатель очень сильно падает. Что касается удельного веса сосудов со шнуровым орнаментом, то в Волгоградском Поволжье он крайне низок, но западнее резко возрастает. На этот момент также обращала внимание Н.К. Качалова [1974а, с. 18]. Для “бережновской группы погребений” (по ее терминологии) шнуровая орнаментация не характерна [Качалова, 1978, с. 75]. Поэтому, если считать данную орнаментацию одним из важнейших признаков “БМСК”, то правомерность объединения “бережновских” погребений с “маевскими” окажется под вопросом. Вообще, соотношение гребенчатой и шнуровой орнаментации как в ареале “ПМСК”, так и в ареале “БМСК” являлось довольно вариативным применительно к различным регионам. Отсюда, на наш взгляд, значение техники нанесения орнамента как критерия при выделении культур срубной общности не стоит переоценивать.

Аргумент 5в заключается в том, что **остатки мясной напутственной пищи в “ПМСК” представлены, главным обра-**

²⁸ Материалы хранятся в Донецком областном краеведческом музее.

²⁹ Показатель по Астраханской обл. рассматривать не стоит, ибо он статистически недостоверен.

зом, ребрами, а в “БМСК” – ребрами или “копчиками с хвостом”. К тому же в “БМСК” эта пища помещалась в могилы на деревянных блюдах. Относительно первого положения стоит напомнить, что состав мясной пищи был более разнообразен как в ареале “ПМСК”, так и в ареале “БМСК”, о чем свидетельствуют, в частности, результаты наших подсчетов, приведенные в таблице 13. Сразу оговорим, что показатели по большинству регионов статистически недостоверны, но, к сожалению, в очень многих публикациях и отчетах рассматриваемые артефакты именуется “костями животных”, и при этом не уточняется, какой части туши они принадлежали. Тем не менее, можно утверждать, что “копчики с хвостом” нередко оказывались и в погребениях “ПМСК” (см., например: [Рослякова 2013, с. 205]), причем довольно достоверный статистический показатель по Самарской обл. не слишком уступает показателям по ряду регионов ареала “БМСК”. Вместе с тем, некоторые регионы “БМСК” не демонстрируют “пристрастия” к “копчикам с хвостом”. Вообще, можно заметить, что частота встречаемости различных частей туши очень варьирует в обоих ареалах. Это можно видеть, в частности, сравнивая более или менее статистически достоверные данные по захоронениям Самарской и Саратовской областей. На территории Саратовской обл. в погребениях значительно чаще встречаются кости конечностей и челюсти, но намного реже – позвонки и кости таза, а также – сочетания костей. В ареале “БМСК” тоже имеют место локальные особенности. Так, захоронения Днепропетровской и Ростовской областей демонстрируют очень высокую частоту встречаемости челюстей, значительно превосходящую показатели по Донецкой и Запорожской областям. Или, скажем, частота встречаемости костей таза и позвонков в погребениях Днепропетровской обл. намного ниже, чем в Донецкой обл. и Крыму. Не заостряя внимания на других нюансах, отметим, что, на наш взгляд, опираться на “приоритеты” в составе мясной пищи при выделении культур в пределах срубной общности крайне опасно.

Второе положение аргумента (носители “БМСК” использовали в погребальном обряде деревянные блюда, в отличие от носителей “ПМСК”) вполне верно. В ареале “БМСК” нам известно 23 срубных захоронения с блюдами, а в ареале “ПМСК” – только 1. Последний комплекс – это захоронение из Южного, 1/6, Саратовская обл. [Захариков, Цыбрий, 2009, с. 101]. Уточним, что могильник исследован в бассейне р. Медведица (левый приток Дона), т.е. относится не к Поволжью, а к Среднему Подонью. В Поволжье и на Южном Урале захоронений с явными блюдами мы не знаем. Разве что в погребении из Старых Ябалаклов, 47/1, Башкортостан, возможно, было блюдо. Авторы публикации пишут, что в могиле кости животных лежали “на желтоватом тлене, вероятно, остатках деревянной чаши” [Горбунов, Морозов, 1991, с. 28]. Возможно, семантически равнозначными блюдам являлись “деревянные плашки”, на которых был уложена мясная пища в двух погребениях могильника Солнечный, Самарская обл. [Пестрикова, 1977, с. 75, 78]. Таким образом, следует констатировать, что наличие/отсутствие деревянных блюд в погребениях делит срубную общность не на “северный” и “южный” ареалы, а на восточную (Поволжье, Южный Урал) и западную территории. Добавим и то, что в ареале “БМСК” захоронения с блюдами распределяются крайне неравномерно (см. Табл. 14). Чаще всего они встречаются в пределах Полтавской, Днепропетровской и Донецкой областей (1,0-1,4% учтенных захоронений). К югу и востоку от очерченного ареала удельный вес комплексов с блюдами падает. Наконец, в Крыму, на Нижнем Дону, в Предкавказье и на юге Нижнего Поволжья, не говоря уж о северном и восточном Прикаспии, нам их вообще не известно. Отсюда следует, что если выделять в ареале срубной общности культуры, отталкиваясь от аргумента 5в, то ареал “БМСК” придется очерчивать иначе, чем это предпринял В.В. Отрощенко.

Аргумент 5г гласит, что **расстиланье на перекрытиях погребений шкур жертвенных животных надежно зафиксировано лишь в “БМСК”.** Действи-

тельно, захоронения с разосланными на перекрытиях шкурами животных в ареале “ПМСК” нам не известны. Впрочем, и в ареале “БМСК” их – единицы. Мы, во всяком случае, знаем только 7 таких комплексов: Морокино, 14/1, 16/1, Харьковская обл. [Антоненко, 1991, с. 152, 153], Камышеваха, 7/1 [Городцов, 1907, с. 363], Смелое, 3/9 [Братченко и др., 1978], Луганская обл., Розкопана Могила, п. 3 [Полидович, 2011, с. 82-83], Русин Яр, 1/1³⁰ [Полидович, Цимиданов, 1996], Донецкая обл., Гуково, 1/2, Ростовская обл. [Рогудеев, 1994, с. 58]. Можно обратить внимание на то, что обряд расстилания шкуры животного на перекрытии могилы был в срубной культуре явлением узколокальным. Из перечисленных погребений последние 5 выявлены в Донбассе, а первые 2 – на юге Харьковщины недалеко от границы Донецкой обл. Словом, рассматриваемый обряд не может быть характерным признаком “БМСК”, ибо в большинстве ареалов данной “культуры” он не практиковался.

Суть **аргумента 5д** – в том, что **бронзовые ножи, встречающиеся в погребениях обеих “культур”, различаются морфологически, а потому по форме данного изделия можно определять культурную принадлежность захоронения.** Действительно, если обратиться к таблицам, с помощью которых В.В. Отрощенко показывает различия между “ПМСК” и “БМСК” (см.: [Отрощенко, 2003, рис. 2; 3]), стоит с данным аргументом согласиться. Впрочем, и тут есть нюансы. В частности, более всего различаются ножи первого периода “ПМСК”, с одной стороны, и ножи “БМСК” – с другой. Однако, согласно В.В. Отрощенко, памятники первого периода “ПМСК” являются более ранними, чем памятники “БМСК” [Отрощенко, 2003, с. 76, 81]. Что же касается ножей второго периода “ПМСК”, то значительная их часть мало чем отличается от ножей “БМСК”. Ограничимся лишь несколькими примерами.

Более крупный из двух ножей, выявленных в погребении из Осиновки, 18/1, Самарская обл. [Колев, Мышкин, 1999, рис. 5, 1; Отрощенко, 2003, рис. 2, 91]³¹ очень близок ножам из Котовского, 1/3 [Берестнев, 2001, рис. 85, 2] и Красной Гусаровки А, 2/2 [Берестнев, 2001, рис. 85, 1], Харьковская обл.

Нож из Красноселок, 1/9, Самарская обл. [Иванов, Колев, 1993, рис. 3, 2; Отрощенко, 2003, рис. 2, 70] аналогичен ножам из Миньковки, 4/1, Донецкая обл. [Методические рекомендации., 1990, рис. 19] и Прядовки, 5/1, Днепропетровская обл. [Ковалева и др., 1981, рис. 4, 12].

Нож из Лузановки, 15/9, Самарская обл. [Васильев, 1977, рис. 20] довольно близок ножу из Красной Гусаровки А, 1/8, Харьковская обл. [Берестнев, 2001, рис. 84, 9].

Нож из Второго Богучарского могильника, 2/7, Воронежская обл. [Синюк, 1996, рис. 65, 2] тождествен упоминавшемуся выше ножу из Котовского, 1/3, Харьковская обл. и ножу из Ханжонково, Донецкая обл. [Литвиненко, 1999, рис. 11, 1].

Нож с едва намеченным перекрестием из Ильменских курганов, 6/1, Воронежская обл. [Качалова, 1970, рис. 11, 10] близок ножу из Орехово, к. 451, Луганская обл. [Качалова, 1974б, табл. 14, 1].

Нож без перекрестия с территории Воронежской обл. [Пряхин и др. 1990, рис. 4, 14] находит серию аналогий в захоронениях степной Украины [Лесков, 1981, рис. 11, изображение в центре; Ратнер, Костюк, 1989, рис. на с. 33] и на поселении у хутора Ляпичев, Ростовская обл. (Нижнее Подонье) [Грязнов, 1953, рис. 62, 3; Горбов, 2001, рис. 1, 5].

Подобные примеры можно приводить десятками, но в задачи нашей работы это не входит. Нелишне сказать и о том, что близость ножей двух “культур” фиксируют матрицы двух поселений металлургов-литейщиков – Мосоловки (ареал “ПМСК”) и Усового Озера

³⁰ В данном комплексе разосланной была шкура мелкого рогатого скота, в остальных – шкуры крупного рогатого скота.

³¹ Второй нож из захоронения сильно поврежден [Отрощенко, Мышкин, 1999, рис. 5, 2], и искать ему аналогии трудно.

(ареал “БМСК”) [Березанская, 1990 с. 65]. Естественно, полного тождества между ножами рассматриваемых “культур” ожидать не приходится, ибо некоторые типы данных изделий узколокальны. Однако, говорить о том, что ножи в пределах срубной общности сильно различаются, можно, на наш взгляд, лишь применительно к ножам разных периодов.

В **аргументе 5е** заострено внимание на том, что **погребения с оружием встречаются исключительно в “ПМСК”, где известно около 70 комплексов с этими изделиями.** Прежде всего скажем о том, что нас смущает цифра “70”. Подсчеты, производившиеся одним из авторов предлагаемой статьи (В.В. Цимидановым), дают более “скромный” числовой показатель – 26³². И дело здесь не столько в том, что В.В. Отрощенко лучше владеет материалом, сколько в его подходе к отбору этого материала. Очевидно, исследователь включил в массив воинских захоронений некоторые ранние комплексы покровской культуры Нижнего Поволжья. В частности, к воинским погребениям “ПМСК” наверняка были отнесены захоронения с копьями из Покровского могильника, Саратовская обл., ибо автор считает этот могильник эталонным для “ПМСК” [Отрощенко, 2003, с. 77]. В число воинских погребений “ПМСК” В.В. Отрощенко включил захоронение из Березовки, 3/3, Саратовская обл. [Отрощенко, 2003, рис. 1, 16], а также погребение с бронзовым топором из Барановки I, 11/2, Волгоградская обл. [Отрощенко, 2003, рис. 1, 7]. На наш взгляд, все перечисленные захоронения относятся к предсрубному времени [Цимиданов, 2005, с. 72, 75].

Впрочем, датировка многих погребений с оружием рассматриваемой эпохи еще долго будет являться предметом дискуссий.

Для нашей работы более важно другое. В.В. Отрощенко прав, “привязывая” срубные воинские погребения к ареалу “ПМСК”. Основная их часть сконцентрирована в Среднем Поволжье (Татарстан, Самарская, Ульяновская области) и на севере Нижнего Поволжья (Саратовская обл.). Южнее – в Волгоградской обл. лишь 2 воинских комплекса мы склонны относить к срубной культуре – погребения из Черебаево, 1/3 и Быково, 1/5³³. Они выявлены на территории, которую В.В. Отрощенко определяет как “зону паритетного сосуществования” “ПМСК” и “БМСК” [Отрощенко 2003, рис. 1; с. 76]. Таким образом, действительно, в “южном ареале” срубных воинских погребений неизвестно. Вместе с тем, не стоит забывать, что и для ареала “ПМСК” погребения воинов – лишь “эпизод” в территориальном смысле. Основная их масса сконцентрирована в Заволжье (Истомин, 3/6; Новопавловка, 4/1, 5/1; Песочное, 1/1, 7/1, Красноселки II, 2/3, Спиридонька II, 1/1, Рождественский I, 2/5, 5/16; Федоровский I, 2/3, Самарская обл.; Бородаевка, 9/10, Натальино II, 7/1, 8/1, 11/1³⁴, Луговское (Визенмиллер) II, 2/1, Саратовская обл.; Черебаево, 1/3, Быково, 1/5, Волгоградская обл.). На Правобережье Волги рассматриваемых захоронений значительно меньше (Новоселки, 1/5, 2/7, 3/2, 4/5, Татарстан; Ишеевка, 1/5, Ульяновская обл.; Новый Ризадей I, 1/2, Самарская обл.; Макаровка (Меркель), G2/4; Мокрое 2, 3/1, Саратовская обл.). На Южном Урале нам известно лишь 1 срубное воинское захоронение (Грачевка, 5/1, Оренбургская обл.), а в Среднем Подонье их нет вообще³⁵. Воинские погребения срубной культуры являются “эпизодом” и в хронологическом плане. Как верно отметил В.В. Отрощенко, данные захоронения относятся к раннему этапу “ПМСК” [Отрощенко, 2003, с. 77].

³² Без учета захоронений детей и подростков, где было по 1 наконечнику стрел.

³³ Погребения срубной культуры с единичными наконечниками стрел известны также на Верхнем Дону и в Приазовье, но, на наш взгляд, трактовать их как воинские вряд ли правомерно.

³⁴ Погребения 2/1, 10/1, 14/1 данного могильника мы относим к предсрубному времени [Цимиданов, 1996, с. 78].

³⁵ Все известные здесь захоронения с оружием посткатакомбного времени мы склонны относить к доно-волжской абашевской культуре.

В “БМСК” воинские погребения отсутствуют³⁶. Это, конечно, можно объяснять тем, что здесь существовала другая культура. Однако, не менее вероятным будет и иное толкование отмеченного факта: носители военной функции попросту не принимали участия в миграциях срубников из Поволжья [Цимиданов, 2006, с. 81]. Они не переселялись ни на запад, ни на восток. Мигрировали же носители производственной и ритуальной функций. Только приняв такую гипотезу, можно понять факт отсутствия воинских захоронений срубной культуры не только в ареале “БМСК”, но и в южноуральских и среднедонских регионах “ПМСК”. Словом, факт, используемый в качестве аргумента 5е, может иметь не культурную, а социальную подоплеку.

Согласно **аргументу 5ж**, для “ПМСК” **показательным является “устоявшийся набор женских украшений”, включающий желобчатые височные подвески, браслеты и фаянсовые бусы. В “БМСК” же встречаются лишь проволочные височные подвески.** Утверждение, что в погребениях “БМСК” украшения представлены исключительно височными подвесками, мы из-за ограниченного объема работы комментировать не будем. Рассмотрим вопрос об “устоявшемся наборе”. Действительно, из 24 известных нам захоронений, где имело место сочетание височных подвесок, браслетов и ожерелий, подавляющее большинство (19) происходит из “северного ареала”, 4 – из “зоны паритетного сосуществования” и лишь 1 – из ареала “БМСК”. Казалось бы, отсюда следует, что рассматриваемый аргумент “работает”. Но обратим внимание на следующее. Интересующий нас набор в ареале “ПМСК” встречается главным образом к востоку от Волги, да и там – крайне редко (см. Табл. 15). К западу от Волги нам известно лишь 5 комплексов, где он присутствовал: Новый Урень, п. 5, Улья-

новская обл. [Буров, 1972, с. 200], Большая Дмитриевка II, 5/3, Саратовская обл. (верховья р. Медведица) [Матюхин, 1992, с. 53], Неткачево, 16/10, Волгоградская обл. (бассейн р. Медведица) [Дьяченко и др., 2006, с. 115-116], Меркуловский IV, 5/2, Ростовская обл. (юг Среднего Подонья) [Шарафутдинова, Житников, 2011, с. 12], Кривая Лука II, 2/3, Астраханская обл. [Дворниченко и др., 1977, с. 20-21]. Первые три погребения происходят из “северного ареала”, а потому их можно отнести к “ПМСК”. Погребение из Меркуловского IV, 52 выявлено в “зоне паритетного сосуществования”. Тем не менее, и керамика из захоронения, и погребальный обряд ориентировка на восток-юго-восток) склоняют нас к тому, что комплекс следует отнести к “БМСК”. Наконец, погребение из Кривой Луки II, 23 исследовано в ареале “БМСК”. Таким образом, из 5 перечисленных погребений к “ПМСК” можно отнести 3, а к “БМСК” – 2. Конечно, следует признать, что на большей части территории последней погребения с рассматриваемым набором не известны. Но и в ареале “ПМСК” они встречаются локально. В частности, данные комплексы, насколько мы знаем, не выявлены к западу от бассейна р. Медведица. Так что, и анализируемый аргумент в защиту правомерности выделения двух срубных культур не слишком весом.

Аргумент 6 заключается в том, что имеют место различия в половом и возрастном составе людей, погребенных в могильниках обеих “культур”. В “ПМСК” соотношение мужчин и женщин, взрослых и детей выглядит сбалансированным, в “БМСК” мужских погребений втрое больше, чем женских, а погребений взрослых – втрое больше, чем погребений детей. Согласно нашим подсчетам (см. Табл. 16), действительно, между двумя “культурами” имеются различия в соотношении погребенных разных возрастных и половых групп. Например, в

³⁶ Правда, позже В.В. Отрощенко все-таки нашел в “БМСК” один воинский комплекс – погребение из Благовки, 2/1, Луганская обл. [Отрощенко, 2011, с. 16]. Здесь был бронзовый нож, который исследователь трактует как кинжал. Но даже если это и так, стоит уточнить, что артефакт находился не в могиле, а рядом с ней [Посредников, Кравец, 1992, с. 47], а потому, строго говоря, он не обязательно свидетельствует о воинском статусе умершего.

ареале “ПМСК” среди умерших несколько больше детей и подростков, вместе взятых, чем взрослых. А в ареале “БМСК” ситуация противоположна. Если анализировать соотношение полов, то окажется, что в обоих ареалах мужчин больше, чем женщин. При этом, в ареале “ПМСК” это соотношение составляет, примерно, 1,4:1 в пользу мужчин, а в ареале “БМСК”, примерно, 1,6:1 в пользу мужчин. Однако, эти данные “сnivelированы”. Один из авторов предлагаемой статьи уже писал о том, что картины в разных регионах имели свои “оттенки” [Цимиданов, 2008, с. 77]. Нынешние наши подсчеты показывают то же самое. Так, если касаться соотношения возрастных групп, то памятники Верхнего и Среднего Подонья явно выпадают из ареала “ПМСК”. Здесь удельный вес взрослых значительно выше, чем в других регионах этой “культуры” и даже превосходит показатель по Нижнему Подонью, относимому В.В. Отрощенко к ареалу “БМСК”. Ситуация с соотношением полов в регионах “ПМСК” также разнится. Например, на Южном Урале, а также в Верхнем и Среднем Подонье, вместе взятых, женщин среди погребенных – почти столько же, сколько мужчин. В Среднем и на севере Нижнего Поволжья ситуация иная. Здесь мужчин значительно больше. Локальные особенности видны и в ареале “БМСК”. В частности, на территории Нижнего Подонья среди умерших удельный вес детей и подростков несколько выше, чем удельный вес взрослых. А в Донбассе и, особенно, Северо-Восточном Приазовье, захоронений взрослых больше, чем захоронений детей и подростков. Соотношение мужчин и женщин столь же вариативно. Так, в Нижнем Подонье мужских захоронений больше, чем женских в, примерно, 1,6 раза. Соответствующий показатель по Донбассу – около 1,2. А Северо-Восточном Приазовье женских захоронений даже несколько больше, чем мужских.

Кроме того, половозрастной состав погребенных обычно сильно разнится в

разных могильниках, на что уже обратила внимание Е.Ф. Батиева применительно к югу Среднего Подонья [Батиева, 2011, с. 164]. Приведем лишь некоторые примеры. В грунтовом могильнике Съезжее П, Саратовская обл., где по 70 погребениям есть данные о возрасте умерших, взрослые составляют 20% [Колев, 2003, табл.], а в грунтовом могильнике Смеловка, Саратовская обл., где соответствующая информация имеется по 98 срубным погребениям – 35,7% [Лопатин, 2010, с. 16-54]. В суммарной сводке погребений курганных могильников Ягодное и Хрящевка, Самарская обл. (возрастные определения есть по 131 захоронению) удельный вес взрослых составлял 58,8% [Мерперт, 1954, с. 44-131]. А в курганном могильнике Лузановка, Самарская обл. (99 погребений) взрослых было 40,4% [Васильев 1977, с. 8-35]. Соотношение полов тоже варьирует. Например, в могильниках Ягодное и Хрящевка (72 погребения с данными о поле умерших) мужчины составляли 58,3%, а в Смеловке (33 погребения) – 51,5%.

Из всего отмеченного мы склонны делать вывод, что половозрастной состав умерших едва ли стоит использовать при выделении археологических культур в пределах срубной общности. Добавим, что к аналогичному выводу пришел А.А. Казарницкий³⁷, к которому мы обратились для более профессиональной оценки показателей, приведенных в таблице 16³⁸. Исследователь, проанализировав показатели, пришел к выводу, что хотя, в принципе, данные о соотношении возрастных и половых групп можно использовать при разграничении археологических культур, в случае с “ПМСК” и “БМСК” в этом нет смысла.

Аргумент 7 гласит, что для “ПМСК” характерны углубленные жилища, сооруженные из дерева, а для “БМСК” – “комплексы усадебного типа” с широким использованием камня в качестве строительного материала. Действительно, в ареале “ПМСК” камень не использовался при возведении построек даже

³⁷ К.и.н., м.н.с. отдела антропологии МАЭ РАН, Санкт-Петербург.

³⁸ В Приложении приведены выдержки из письма А.А. Казарницкого от 15 сентября 2013 г., присланного автором предлагаемой работы.

в тех регионах, где он находил применение в погребальной архитектуре (Челябинская и Оренбургская области). Но, вместе с тем, в ареале “БМСК” облицовка камнем стенок котлованов была явлением локальным. Это практиковалось в Днепровском Надпорожье [Шарафутдинова, 1982, с. 17-18], на Донецком кряже [Горбов, 1997, с. 146, 148; Бровендер, 2000а, с. 9; 2000б, с. 125] и, особенно, в Северо-Восточном Приазовье [Горбов, 1997, с. 146, 148, 150; Ларенок, 2000; Потапов, 2000]. Использование камня в качестве строительного материала в данных регионах было вызвано нехваткой дерева при обилии выходов камня [Горбов, 1997, с. 152, 154; Бровендер, 2000а, с. 9; 2012, с. 93-94]. В ходе раскопок поселений на Приазовской низменности было прослежено, что переход срубников к новой для них технике строительства происходил постепенно [Горбов, 1997, с. 150]. Применительно к некоторым регионам можно допускать, что использование камня в строительстве явилось результатом контактов с населением днепро-донской бабинской культуры [Горбов, 1997, с. 154; Бровендер, 2000а, с. 9].

Несмотря на то, что население “БМСК” в ряде регионов облицовывало стенки котлованов камнем, в отличие от населения “ПМСК”, использовавшего для этой цели исключительно дерево, в остальной постройке двух “культур” по своим конструктивным особенностям были довольно близки [Бровендер, 2000а, с. 9]. Постройки “БМСК” Лесостепной Украины и т.н. “предстепья” (Днепропетровская область) тем более тождественны постройкам ареала “ПМСК” вплоть до построек Поволжья и Приуралья (см.: [Берестнев, 2001, с. 110]). То же можно сказать о постройках других регионов “БМСК” – Нижнего Подонья и юга Нижнего Поволжья. Здесь сооружались землянки подпрямоугольной формы, очень близкие постройкам “ПМСК” (см., например: [Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 118, 120-126; Грязнов, 1953, с. 139-141; Мыськов, Лапшин, 2007, с. 8³⁹; Цыбрий, 2012, с. 380-381]).

Таким образом, говорить о принципиальной разнице в домостроительстве двух “культур” не вполне правомерно.

Ю.М. Бровендер, разрабатывая гипотезу В.В. Отрощенко о двух срубных культурах, заострил внимание на том, что в домостроительстве “БМСК”, в отличие от “ПМСК”, использовался прием блокирования построек (т.е., соединения нескольких построек в один комплекс) [Бровендер, 2000а, с. 7; 2000б, с. 125-126]. В связи с этим отметим два нюанса:

1. Блокирование характерно лишь для части ареала “БМСК”. Оно встречается в степи, но совершенно не характерно для лесостепи и предстепья [Ромашко, 2000, с. 19]. Таким образом, данная архитектурная особенность локальна;

2. Блокирование, хотя и значительно реже, чем в “БМСК”, в “ПМСК” также имело место [Трубникова, 1953, с. 21; Агапов, Иванов, 1989, рис. 1; Лопатин, 1993, с. 87; Пряхин, 1993, рис. 15, 1; 19, 1; 28, 1; 57, 1; Бахшиев, 2010, с. 17; Бровендер, 2012, с. 138; др. работы].

Таким образом, прием блокирования не может быть критерием при разграничении “ПМСК” и “БМСК”.

Ссылка В.В. Отрощенко на якобы специфические для “БМСК”, в отличие от “ПМСК”, “комплексы усадебного типа” не вполне понятна, ибо не ясно, что автор имел в виду под данными комплексами. Если – блоки построек, то выше мы уже высказали свои соображения на сей счет. Если же имелись в виду группы построек, обособленные одна от другой в пределах поселения, то стоит отметить следующее. “Усадебная разновидность планировки” (по терминологии, предложенной М.С. Седовой [1988, с. 29]) вообще не характерна для срубной культуры. Некоторые исследователи допускают, что она могла иметь место в Среднем Поволжье [Багаутдинов и др., 1988, с. 154; Седова, 1988, с. 29], т.е. в ареале

³⁹ На поселении Сухая Мечетка IV котлован приближается к овальной форме [Мыськов, Лапшин, 2007, рис. 6], но авторы пишут, что стенки его оплывшие и зачастую прослеживаются нечетко [Мыськов, Лапшин, 2007, с. 8], так что землянка была, очевидно, подпрямоугольная.

“ПМСК”. Применительно к ареалу “БМСК” нам не известно ни одной публикации, где автор выделял бы усадьбы и вообще использовал данный термин. Разве что О.Я. Привалова и А.И. Привалов, публикуя материалы Николаевского поселения, Донецкая обл. (Северо-Восточное Приазовье), отметили, что жилища здесь “примыкают друг к другу группами по два-три почти вплотную, образуя как бы единый хозяйственный комплекс, включая и построенные рядом с ним хозяйственные помещения” [Привалова, Привалов, 1987, с. 69]. Но на исследованных в том же Северо-Восточном Приазовье поселениях Безыменное I и Безыменное II, Донецкая обл., как становится ясно из чертежей многолетних раскопок, усадьбы не выделяются. То же справедливо применительно к постройкам сабагиновского времени поселений Ильичевка [Шаповалов, 1976, рис. 1] и Усово Озеро [Березанская, 1990, рис. 3], Донецкая обл. (левый берег р. Северский Донец в ее среднем течении)⁴⁰. Добавим, что на срубных поселениях раскопки, как правило, производились небольшими площадями, и число жилищ, выявленных при этом, редко превышало 1-2 (исключением можно считать такие поселения, как Безыменное II, в какой-то мере Безыменное I, Ильичевку, Капитаново I и Степановку). Так что, судить о том, насколько широкое распространение и на каких территориях получил усадебный тип застройки (и существовал ли он в срубной культуре вообще), сейчас еще рано.

Аргумент 8, суть которого в том, что для “ПМСК” было характерно скотоводческое хозяйство, а для “БМСК” – скотоводческо-земледельческое, а потому носители “ПМСК” употребляли пищу животного происхождения,

а носители “БМСК” – как животного, так и растительного, также уязвим для критики. Во-первых, судя по данным этнографии, на земном шаре практически не было и нет народов, которые питались бы одной лишь животной пищей. При рассмотрении базовых характеристик питания человека был сделан “вывод о том, что для нормального функционирования организма необходима пища растительная и животная [Добровольская, 2005, с. 30]. Не являются исключением даже жившие в вечных снегах эскимосы, особенности питания которых были достаточно специфичны [Добровольская, 2005, с. 236]. В рационе эскимосов “в крайне малых количествах присутствуют жиры, белки и углеводы растительного происхождения” [Добровольская, 2005, с. 197]. Тем не менее, они чрезвычайно важны [Добровольская, 2005, с. 233-234]⁴¹. Народы же умеренной зоны, даже если они не занимались земледелием, ели растительную пищу в том или ином виде⁴². Скажем, индейцы некоторых племен североамериканских прерий, совершенно не обрабатывавшие землю, отдавая предпочтение охоте и коневодству (например, лакота), тем не менее, добавляли к мясной пище продукты собирательства (ягоды, дикie плоды, съедобные корни и клубнеплоды, особенно, – дикую репу) [Аверкиева, Золотаревская, 1955, с. 100; Откровение..., 1997, с. 92], а также маис, бобы, тыкву, которые покупали или вымогали у менее воинственных соседей, занимавшихся земледелием [Аверкиева, 1974, с. 276, 277-278]. Кочевники Евразии также питались не только мясными продуктами. Более того – не столько ими. В частности, большинство монголов употребляло в пищу, главным образом, блюда из ячменной муки. И лишь только богатые кочевники добавляли к ним мясо, масло и молоко [Козлов, 1947,

⁴⁰ Согласно концепции В.В. Отрощенко, этот этап существования двух последних поселений репрезентует “БМСК”.

⁴¹ М.В. Добровольская со ссылкой на исследования С.И. Руденко обратила внимание на интересный сюжет эскимосского фольклора, где одно из центральных божеств эскимосского пантеона – владычица ветра и молний Асиак живет не охотой и рыболовством, а собирательством растительных продуктов, трав и корней [Добровольская, 2005, с. 234].

⁴² Однообразная пища – причина авитаминоза и нарушения обмена веществ в организме человека [Добровольская, 2005, с. 307].

с. 142-143]. Во-вторых, гипотеза об отсутствии земледелия в ареале “ПМСК” едва ли может быть принята. Исследователи предшествующих десятилетий нисколько не сомневались в том, что срубное население занималось земледелием, особенно, – в лесостепи [Равдоникас, 1947, с. 364; Трубникова, 1953, с. 25; Кривцова-Гракова, 1955, с. 68, 77, 80 и др.; Мерперт, 1958, с. 156; Пряхин, 1973, с. 134; Качалова, 1974, с. 16-17; Граков, 1977, с. 151; Березанская, 1982, с. 124; Васильев, Матвеева, 1986, с. 90; Привалова, 1986, с. 26; Шаповалов, 1989, с. 38; Левых, 1990, с. 26; Горбунов, 1992, с. 188; др. работы]. Гипотезу о важной роли земледелия в экономике срубных племен поколебали палеоботанические исследования на срубных поселениях различных регионов от Зауралья до Поднепровья, производившиеся в 1989-91 гг. сотрудниками Волго-Уральской комплексной экспедиции ИА РАН, и последующие исследования на Каргалах, Оренбургская обл. и других памятниках. Результаты этих исследований вроде бы свидетельствуют о том, что земледелие у населения срубной культуры было развито слабо, и следы его встречаются далеко не на всех поселениях [Лебедева, 1992, с. 141-143; Черных и др., 1997, с. 27-28]⁴³. Отсюда некоторые авторы сочли возможным говорить о двух направлениях экономики в пределах срубной общности: оседло-скотоводческом в ареале “ПМСК” и оседло-скотоводческо-земледельческом в ареале “БМСК” [Отрощенко, 2000, с. 13; Пашкевич, 2000, с. 416; 2005, с. 13]. Существование земледелия у населения ареала “БМСК” подтверждается как результатами промывки грунта, так и присутствием отпечатков злаков на керамике [Лебедева, 1992, с. 141-143; Гершкович и др., 2004, с. 96-97; Пашкевич, 2005, с. 13]. Вместе с тем, постепенно накапливаются факты и в пользу наличия земледелия в ареале “ПМСК”. Они ставят под сомнение гипотезу, согласно кото-

рой население данной территории питалось исключительно пищей животного происхождения. Так, анализ содержимого сосудов из срубных погребений могильника Ташелка 4, Самарская обл. показал, что во многих из них находилась каша. Кроме того, данный анализ позволил предполагать, что срубники Среднего Поволжья употребляли в пищу весьма разнообразные растения – крыжовник, черную смородину, сахарную свеклу, морковь, капусту, фасоль, сою, горох, яблоки, груши [Михайлов, Васильев, 2003, с. 178-179]. Добавим, что флотация образцов грунта с поселения Раздолье-1, Тульская обл. позволила обнаружить 2 фрагмента зерен культурных злаков, принадлежность которых к срубной культуре в достаточной степени вероятна [Лебедева, 2011, с. 162, 164]. Большой интерес для рассмотрения данного вопроса представляют также результаты анализа содержимого сосудов из срубных погребений могильника Неткачево I, Волгоградская обл. Могильник раскопан на севере данной области – в пределах очерченного В.В. Отрощенко ареала “ПМСК” [Отрощенко, 2003, рис. 1]. Анализ показал, что в 10 сосудах на момент помещения их в могилы содержалась пища растительного происхождения [Борисов и др., 2005, с. 100]⁴⁴. Упомянем также и результаты антропологических исследований костяков из погребений срубной культуры могильника Линево, Волгоградская обл. И этот могильник локализован в пределах ареала “ПМСК”. Данные исследования говорят о том, что в пищевом рационе срубников этого региона преобладала углеводистая пища [Перерва, 2006, с. 296]. Таким образом, никаких принципиальных различий в кулинарии ареалов “ПМСК” и “БМСК” не имело места. Различия же в соотношении скотоводства и земледелия, несомненно, наличествовали, но они не были столь существенными, как это полагает В.В. Отрощенко.

⁴³ В частности, следы земледелия не были выявлены на срубных памятниках Оренбургской обл. [Лебедева 2004, с. 247].

⁴⁴ Обобщенные данные по срубным могильникам Нижнего Поволжья показали частую встречаемость растительной пищи в сосудах из погребений [Демкин, Демкина, 2000, с. 78, 79, табл. 6]. К сожалению, из статьи не ясно, относятся ли эти погребения к “ПМСК” или к “БМСК”.

В затронутой проблеме существует еще один нюанс. Утверждать, что для “БМСК” было характерно скотоводческо-земледельческое хозяйство можно лишь применительно к части ее ареала. Так, долговременные срубные поселения неизвестны в Прикубанье [Шарафутдинова, 1991, с. 79; Сорокина 2000, с. 78]. Не обнаружены они и в Калмыкии [Мимоход, 2013, с. 22-23]⁴⁵. Отсюда следует, что носители срубной культуры в данных регионах занимались подвижным скотоводством. В полупустынях Северного Прикаспия срубных памятников практически нет [Васильев, 1983, с. 139], а те, что известны, являются, главным образом, стоянками на дюнах [Памятники..., 1993, рис. 2, с. 100]. В литературе изредка встречается информация об открытии в Северном Прикаспии срубных поселений (см., например: [Сумин, Пигарев, 1996, с. 32]). Однако, как показывают раскопки подобных памятников, их более правомерно считать зимниками подвижных скотоводов [Галкин, 1996, с. 59-60]. Несомненно, подвижными скотоводами являлись и срубники, продвигавшиеся на юг вдоль восточного побережья Каспийского моря. Таким образом, если при выделении “БМСК” отталкиваться от характера экономики, то памятники Предкавказья и Прикаспия едва ли будет правомерно объединять в одно целое с памятниками лесостепной и степной Украины, Нижнего Подонья и Волгоградского Поволжья.

Согласно **аргументу 9**, носители двух “культур” использовали металл разных горно-металлургических центров – Каргалинского (“ПМСК”) и Донецкого (“БМСК”). Данное положение представляется нам слишком категоричным. Срубное население Южного Урала, действительно, могло использовать, в основном, каргалинский металл. Но ситуация с более западными регионами “ПМСК” – сложнее. Е.Н. Черных, рассматривая ареал распространения продукции с Каргалов, картографировал поселения с находками руды предположительно (подчеркнуто нами – В.П., А.У., В.Ц.), связанной с Каргалинскими

месторождениями. Почти все эти памятники находятся на Южном Урале, лишь 2 – в Среднем Поволжье и ни одного – на севере Нижнего Поволжья и к западу от Волги [Черных, 1997, рис. 28]. Вместе с тем, исследователь выделил “максимальную зону распространения каргалинской меди”, куда включил, в частности, Верхнее и Среднее Подонье и север Нижнего Поволжья [Черных, 1997, рис. 28], относимые В.В. Отрошенко к ареалу “ПМСК”. Но в эту зону попали и некоторые территории, включаемые в ареал “БМСК” – север Нижнего Подонья и Астраханское Поволжье [Черных, 1997, рис. 28]. Таким образом, в соответствии с построениями Е.Н. Черных, металл Каргалов использовали и носители “БМСК”. Добавим, что металлурги “ПМСК” не ограничивались лишь металлом из Каргалинских месторождений. В частности, население Среднего Поволжья имело и свои местные источники сырья [Матвеева, 1979, с. 188; Матвеева и др., 1979, с. 155; 2004, с. 69-88], а металлурги Мосоловского поселения, похоже, получали сырье из разных регионов, в т.ч. – из Донбасса [Григорьев, 2003, с. 127-129] и не получали каргалинский металл [Черных, 2000, с. 20].

Показательно, что В.С. Бочкарев весьма скептически отнесся к гипотезе В.В. Отрошенко, согласно которой донецкий горно-металлургический центр мог являться “основной сырьевой базой срубного и лобойковско-головуровского производств” (т.е. производств “БМСК” – В.П., А.У., В.Ц.). По мнению исследователя, Левобережная Украина в значительной степени снабжалась медью волго-уральского происхождения [Бочкарев, 2006, с. 60]. Словом, аргумент 9 едва ли стоит использовать при разграничении рассматриваемых “культур”.

Подводя итог нашему анализу аргументов, выдвинутых В.В. Отрошенко в защиту правомерности выделения двух срубных культур, можно констатировать, что ни один из них не является достаточно весомым. Но, может быть, они становятся таковыми в своей

⁴⁵ Справедливости ради заметим, что Р.А. Мимоход говорит о всем бронзовом веке, а не только о позднем [2013, с. 22].

совокупности (т.е., появляется системный эффект)? В ответ на такое допущение скажем следующее. Как это ни парадоксально, но большинство аргументов В.В. Отрощенко, если их несколько видоизменить, могут свидетельствовать и в пользу правомерности разделения памятников срубной общности на восточный и западный массивы (против чего В.В. Отрощенко решительно выступает [2003, с. 72]):

1. Ареалы массивов не совпадают. К первому относятся памятники Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Урала и Восточного Прикаспия, ко второму – памятники более западных регионов;

2. В восточном массиве ниже удельный вес курганов со впускными срубными погребениями, что видно из таблиц 1 и 2. Добавим, что показатель по Волгоградскому Поволжью (59,4% в сводке из 155 курганов) очень близок к показателю по Саратовской обл. и намного ниже, чем показатели по западному массиву. Удельный вес впускных срубных погребений в западном массиве выше, чем в восточном (см. Табл. 3). Показатель по Волгоградскому Поволжью – 74,2%. Это выше, чем в Харьковской и Донецкой областях, но, вместе с тем, ниже, чем в Днепропетровской, Запорожской, Херсонской областях и Крыму. Отсюда вытекает, что по рассматриваемым критериям погребения Волгоградского Поволжья более близки к восточному массиву, чем к западному.

Отметим и то, что только в Поволжье и на Южном Урале исследованы курганы, где число основных срубных погребений составляло 20 и более. И только в Поволжье и на Южном Урале выявлены могильники, включавшие 20 и более срубных курганов. В западном же массиве самый большой срубный могильник состоял из 13 насыпей [Цимиданов, 2010б, с. 60, 61].

Удельный вес удлиненных курганов в большинстве регионов восточной территории не превышает 6,6% (показатель по Волгоградскому Поволжью). Лишь в Челябинской обл. картина иная. На западной территории данный показатель составлял 11,1% и выше (см. Табл. 4). И только на западной территории известны курганы с

соединительными досыпками [Цимиданов, 2004б, с. 230].

Показатель по диаметру курганов сильно варьирует и на восточной, и на западной территориях (см. Табл. 4), и потому едва ли в данном случае стоит придавать ему большое значение. Но, тем не менее, в Волгоградском Поволжье срубные курганы с диаметром более 20 м составляют 45,5%, что значительно ниже, чем показатели по Воронежской, Днепропетровской и Запорожской областям и относительно близко к показателям по Самарской и Саратовской областям. Сильно варьирует и высота срубных курганов. Вместе с тем, в Волгоградской обл. курганы высотой более 1,5 м составляют 6,6%, что весьма близко к показателю по Самарской обл. и ниже, чем показатели по Днепропетровской, Запорожской и Ростовской областям;

3. К восточному массиву (а конкретнее, к Поволжью) приурочена большая часть многокамерных погребений срубной культуры. В этом массиве удельный вес захоронений с “ящичными конструкциями” значительно ниже, чем в западном массиве. В Волгоградском Поволжье погребения подобного рода составляют 1,0% (4 сруба в сводке из 409 учтенных погребений). Данный показатель близок к показателю по Самарской обл. Добавим, что срубы, выявленные в курганах восточной территории, в основном, сооружались на древней поверхности, а срубы западной территории (включая выявленные в курганах Воронежской обл.), как правило – в ямах;

4. В восточном массиве удельный вес погребений с меридиональной ориентировкой значительно выше, чем в западном (см. Табл. 5; 7). Показатель по Волгоградскому Поволжью (23,0%) превосходит почти все показатели по западному массиву (за исключением погребений Воронежской и Харьковской областей). Таким образом, данный регион вновь оказывается ближе к восточному массиву;

5а. В восточном массиве выше удельный вес захоронений с 2 и более сосудами, чем в западном (28,1% против 8,8%). Показатель по Волгоградскому Поволжью – 13,7%.

Это – намного ниже, чем показатель по Саратовской обл. (29,6%) и даже показатели по таким областям западной территории, как Воронежская и Харьковская. Однако, напомним, что когую от лесостепи число сосудов в захоронениях, в среднем, сокращается. Если же мы сравним показатель по Волгоградской обл. с соответствующими показателями по степным областям западной территории, то увидим, что первый превосходит каждый из остальных (они находятся в интервале 2,8-11,4%). Таким образом, погребения Волгоградского Поволжья опять оказывается ближе к восточному массиву;

5б. В погребениях восточного массива сосуды, орнаментированные зубчатым штампом, встречаются чаще, чем сосуды со шнуровой орнаментацией. В западном массиве ситуация почти везде обратная (см. Табл. 12). Исключениями являются лишь погребения Воронежской и Харьковской областей, но, вместе с тем, частота встречаемости орнамента, нанесенного зубчатым штампом, в этих областях намного ниже, чем в Среднем Поволжье, на севере Нижнего Поволжья и на Южном Урале. Обратим внимание и на еще одно существенное различие между орнаментацией двух массивов. Среди орнаментированных сосудов из погребений восточного массива на 32,4% был полифризный орнамент⁴⁶. Показатель по западному массиву значительно ниже – 15,1%;

5в. В погребениях восточного массива значительно реже, чем в западном массиве, встречаются остатки мясной пищи в виде позвонков животных (6,2% против 17,2%). То же касается тазовых костей (5,0% против 17,2%). В восточном массиве до сих пор не известно погребений с явными блюдами, тогда как в западном данные комплексы образуют довольно репрезентативную группу.

5г. В восточном массиве, в отличие от западного, не известно захоронений со шкурами животных, расстеленными на перекрытиях могил;

5д. Бронзовые ножи, обнаруживаемые в захоронениях обоих массивов, во многом

близки, но есть и существенные различия. Так, нами были произведены подсчеты, основанные на использовании данных о 60 ножах из захоронений восточной территории и 92 ножах из погребальных комплексов западной территории. В восточном массиве у 26,7% ножей черешок на конце расширялся. В западном массиве это имело место у 38,0% ножей. Вместе с тем, в восточном массиве это расширение у 26,7% орудий имело подромбическую форму. Показатель по западному массиву значительно ниже – 7,6% (в остальных случаях расширение округлое, “срезанное” на конце или аморфное). Еще более существенны следующие различия:

а) в восточном массиве 10,0% ножей не имели упора (черешок переходил в клинок плавно или через уступы). Соответствующий показатель по западному массиву – 30,4%;

б) в восточном массиве у большинства ножей клинок был максимально расширен посередине его длины (68,3% артефактов). В западном массиве картина диаметрально противоположна. Здесь у 81,5% ножей расширение находилось ближе к черешку. Не лишне привести информацию по ножам с территории Волгоградского и Астраханского Поволжья, вместе взятым. Здесь нам известно 10 захоронений с рассматриваемыми орудиями. При этом подромбическое окончание черешка было у 33,3% ножей, упор – у 90,0%, расширение клинка посередине – у 50,0%. Таким образом, хотя сводка и недостаточно репрезентативна, можно видеть, что ножи рассматриваемого региона ближе к ножам восточного массива;

5е. Только на восточной территории выявлены срубные воинские погребения. К тому же только на данной территории известны срубные погребальные комплексы с псалями [Алихова, 1955, с. 91-95; Памятники..., 1993, табл. 1, № 252; Багаутдинов, Васильев, 2004, с. 182-183; Мышкин, Турецкий, 2006, с. 316, 320-321; Исмагил и др., 2009, с. 19-21]. И только в восточном массиве в могилы иногда “впрягали” пары лошадей [Алихова, 1955, рис. 35; Смирнов, 1957, рис. 1; Зудина,

⁴⁶ О данном орнаменте см.: [Цимиданов, 2010а, с. 124].

Скарбовенко, 1985, рис. 4; Михайлова, Кузьмина, 1999, рис. 5; Мышкин, Турецкий, 2006, рис. 6, 4];

5ж. В восточном массиве сконцентрировано большинство захоронений с набором “височные подвески + ожерелье + браслеты”. В западном массиве данные погребения встречаются крайне редко. Добавим, что только в восточном массиве известны женские погребения с “богатыми” головными украшениями (т.н. “накосниками”) [Цимиданов, 2004г, с. 273]. Кроме того, только в восточном массиве в захоронениях выявлены подвески из клыков хищников [Цимиданов, 2004г, с. 264];

6. Хотя соотношение погребений различных половых и возрастных групп, как отмечалось выше, в регионах срубной общности весьма вариативно, можно обратить внимание на то, что в регионах восточного массива удельный вес взрослых среди умерших не превышал 42%. В регионах западного массива данный показатель значительно выше (см. Табл. 16);

7. На восточной территории, в отличие от западной, камень не использовался в домостроительстве даже в тех местностях, где имелись его выходы. Кроме того, прием блокирования построек на восточной территории встречался значительно реже, чем на западной. Добавим, что поселения западной территории, в целом, были крупнее [Сергеева, 2007, с. 10];

8. На восточной территории земледелие, вероятно, играло меньшую роль в экономическом балансе, чем на западной;

9. Население восточной территории, похоже, использовало преимущественно металл Каргалинских месторождений. На западной территории, при том, что сюда попадал металл южноуральского происхождения, большое значение имела медь Бахмутской котловины (Донбасс).

В качестве аргументов, дополняющих изложенное выше, можно предложить таблицы, составленные В.В. Отрощенко для иллюстрирования характерных признаков “ПМСК” и “БМСК” [Отрощенко, 2003, рис. 2; 3]. Таблица по “ПМСК” [Отрощенко,

2003, рис. 2] не содержит ни одного плана кургана или погребения, исследованных западнее Поволжья. И лишь 4 из нескольких десятков представленных в ней артефактов происходят с территории Среднего Подонья и Среднего Подонцовья. Прочие же выявлены в Поволжье и Приуралье. Таким образом, упомянутые таблицы в значительной степени рисуют не особенности “ПМСК” и “БМСК”, а особенности восточного [Отрощенко, 2003, рис. 2] и западного [Отрощенко, 2003, рис. 3] массивов срубных памятников.

Итак, отгалкиваясь от приведенных доводов, можно, при желании, выделить две срубные культуры. Скажем, – новопавловско-бережновскую (восточный массив) и мосооловско-маевскую (западный массив). Возникает, однако, вопрос – **а стоит ли это делать?** Выше, разбирая аргументы В.В. Отрощенко, мы обратили внимание на то, что наибольшие различия показывают срубные памятники регионов, разделенных большими расстояниями. Памятники же соседних регионов демонстрируют значительно меньше различий. Более того, в пределах срубной общности имели место некоторые “глобальные” тенденции нарастания (или, напротив, угасания) степени выраженности многих знаков от региона к региону. Иногда это происходило в меридиональном направлении, а иногда – в широтном. Например, с севера на юг сокращалось среднее число сосудов в погребениях, уменьшался вес орнаментированной керамики среди погребальной посуды, падала частота встречаемости бронзовых ножей в захоронениях. Вместе с тем, в данном направлении возрастал удельный вес захоронений с широтной ориентировкой, а при этом уменьшался удельный вес комплексов с меридиональной и северо-восточной ориентировками. С востока на запад падал удельный вес захоронений с украшениями. Кроме того, к западу от Поволжья сокращалась частота встречаемости погребений с инсигниями власти, флейтами, астрагалами крупного рогатого скота и свиньи и некоторыми другими артефактами. Вместе с тем, и в лесостепи, и в степи с востока на запад

возрастала частота встречаемости шнуровой орнаментации, увеличивался удельный вес ножей без упора и ножей, где максимальное расширение клинка приходилось на его верхнюю часть. В этом же направлении происходило увеличение размеров поселений [Сергеева, 2007, с. 10], более неординарными становились захоронения с астрагалами [Цимиданов, 2001, с. 228-229] и т.д.

Все это говорит о том, что **срубная общность была единой целостностью**, жившей по определенным “законам” (в большинстве случаев не зависевших от воли людей). Ее самые отдаленные регионы были тесно связаны в культурном плане. В.В. Отрощенко сформулировал “существенные черты погребального ритуала, время функционирования которого... определяет период развития срубной общности”. Сюда исследователь отнес следующие проявления погребальной обрядности:

1. Погребения совершены под курганами;
2. Могильные ямы имеют прямоугольную форму;
3. Погребенные были уложены в могилы скорчено на левом боку в позе адорации с ориентировкой в северо-восточном секторе (при этом возможны отклонения в пределах 45 градусов);
4. Умерших сопровождали 1-2 сосуда [Отрощенко, 2003, с. 73].

Мы полагаем, что данный список можно дополнить и другими элементами срубной культуры, получившими широкое распространение в пределах ее ареала и не зависевшими от географического районирования. Некоторые из них следующие:

5. На всей территории срубной общности от Южного Урала на востоке до Поднепровья на западе фиксируются тождественные отклонения от “стандартного” погребального обряда в способах обращения с умершими. Сюда относятся, прежде всего, кремации, кенотафы и погребения с теми или иными вариантами расчленения тела покойника. При этом порой имели место поразительные совпадения деталей “нестандартных” захоронений в регионах, разделенных сотнями, а то и тысячами километров. Так, захоронения,

где останки кремированных умерших были помещены в сосуды, выявлены и на Южном Урале (Оренбургская обл. [Халяпин, 1998, с. 58, 59, 64]), и в Украинской лесостепи (Харьковская обл. [Буйнов, Михеев, 1989, с. 92]; Полтавская обл. [Супруненко, 1991, с. 43]), и в Украинской степи (Донецкая обл. [Березанская, Гершкович, 1983, с. 107]; Запорожская обл. [Отрощенко и др., 1977, с. 24]).

В различных регионах практиковалось (вероятно, не очень часто) отчленение стоп умерших. Подобные захоронения известны от Южного Урала на востоке до, по крайней мере, Северо-Восточного Приазовья на западе [Горбов, Усачук, 2011, с. 53-54]. Столь же широкий ареал имела практика посмертного отчленения кистей рук погребенных [Горбов, Усачук, 2011, с. 53-54] и их пальцев [Горбов, Усачук, 2011, с. 54-55].

В случае с кенотафами интересно то, что порой сосуды размещались в погребениях таким образом, словно в могиле находилось тело умершего, и сосуд при этом был поставлен у его головы (что характерно для многих ингумаций). Подобные комплексы известны, например, в Оренбургской обл. [Халяпин, 1998, рис. 11, б], Волгоградской обл. [Мыськов, 1991, рис. 2, б], Донецкой обл. [Литвиненко, 1993, рис. 6, 1] и в Крыму [Колтухов, Тощев, 1998, с. 51].

Сходство наблюдается и в парных погребениях. Во всех регионах срубной общности преобладают парные захоронения двух типов: I. Захоронения, где оба умерших лежали на левом (реже – правом) боку, были ориентированы одинаково, и при этом один находился за спиной другого; II. Захоронения, где оба умерших лежали скорчено на боку лицом друг к другу. Во всех регионах погребения I типа встречаются значительно чаще, чем погребения II типа [Цимиданов, 2008, табл. II, с. 54]. Вместе с тем, известны и нечасто встречающиеся парные погребения иных типов, причем ареал каждого из этих типов также весьма широк. Так, ярусные ингумации (захоронения, где костяк одного умершего размещался в пределах могильной ямы выше костяка другого) выявлены в Башкортостане

[Нигматуллин, 1978, с. 189] и Ростовской обл. [Братченко, Шарафутдинова, 2000, с. 204]. Биритуальные захоронения (такие, где один из умерших был ингумирован, а другой кремирован) известны в Татарстане [Збруева, 1948, с. 22, 23], Ульяновской обл. [Багаутдинов и др., 1988, с. 153], Саратовской обл. [Агапов и др., 1978, с. 150], Харьковской обл. [Берестнев, 2001, с. 86; Буйнов, Дегтярь, 2005, с. 110, 112, 118], Донецкой обл. [Полидович, 1993, с. 52-53; Привалова, 2001, с. 147]. Парные кремации (останки умерших образуют два скопления) также имеют широкий ареал. Они выявлены в Челябинской обл. [Стоколос, 1972, с. 164] и Днепропетровской обл. [Ковалева и др., 1983, с. 9]. Парные захоронения, где один умерший располагался в ногах второго, спорадически встречаются от Башкортостана [Горбунов, 1977, с. 155-156] до Днепропетровской обл. [Ковалева и др., 1979, с. 26]. Парные захоронения в срубках с поперечной перегородкой, делившей могильное сооружение на два отсека, в каждом из которых размещалось по одному умершему, известны в Среднем Поволжье [Васильева и др., 2011, с. 129-132] и Подонцовье [Литвиненко, 1992, с. 35];

6. Наряду с керамическими сосудами, в срубных захоронениях присутствует и иной инвентарь, который можно назвать дополнительным. Категории этого инвентаря исчисляются десятками, и при этом две трети их, включая даже те, которые попадали в могилы крайне редко (их частота встречаемости не достигала и 1%), обнаруживаются в захоронениях и восточной, и западной территорий общности (см. Табл. 17). Поразительные совпадения между захоронениями различных регионов прослеживаются не только по категориям погребального инвентаря, но и по “текстам”, в состав которых входили те или иные вещи. Например, это демонстрируют комплексы с астрагалами мелкого рогатого скота. Так, и на восточной, и на западной территориях астрагалы чаще клались перед погребенным, чем у него за спиной, а в головах – чаще, чем в ногах [Цимиданов, 2001, табл. 1]. При этом на обеих территориях в погребениях

лиц повышенного ранга астрагалы чаще, чем в погребениях рядовых людей, клались в головах, в ногах и размещались несколькими скоплениями. А положение астрагалов перед телом умершего или за спиной в рядовых погребениях, напротив, встречается чаще, чем в погребениях лиц высокого ранга. Добавим, что и на восточной, и на западной территориях в головах умерших обычно клалось нечетное число астрагалов [Цимиданов, 2001, с. 219]. Кроме того, на обеих территориях прослеживается определенная (правда, не очень жесткая) корреляция между числом астрагалов, помещавшихся в захоронения, и возрастом умерших. В погребениях детей и взрослых чаще всего оказывались 1-2 астрагала, а в погребениях подростков и молодежи – более 2-х [Цимиданов, 2001, с. 220];

7. Помимо погребальной обрядности, единство срубной культуры демонстрирует и поселенческая обрядность. Ограничимся лишь несколькими примерами:

а) в качестве жертв оставления жилища носители срубной культуры порой использовали бронзовые ножи, помещавшиеся при этом близ очагов. Данная практика зафиксирована, например, в Нижнем Поволжье [Васильев и др., 1977, с. 133] и Северо-Восточном Приазовье [Горбов, Мимоход, 1999, с. 27];

б) в ходе некоторых обрядов сосуды могли устанавливаться вверх дном. Это прослежено, в частности, на поселениях Южного Урала [Черных, Лебедева 2002, с. 39], Верхнего Подонья [Гак, 2011, с. 39, 42], Нижнего Подонья [Мимоход, 2000, с. 87], Северо-Восточного Приазовья [Горбов, Мимоход, 1999, с. 28], Украинской лесостепи [Пеляшенко, Буйнов, 2009, с. 227];

в) на поселениях иногда сооружались жертвенники из костей животных. Они выявлены в Нижнем Поволжье [Мимоход, 2000, с. 88; Лопатин, 2003, с. 15-16], Среднем Подонцовье [Березанская, 1990, с. 86; Мимоход, 2000, с. 88], Степном Поднепровье [Ромашко, 1993, с. 84; Мимоход, 2000, с. 88];

г) широкое распространение получила практика принесения в жертву собак. Следы

ее обнаружены, например, на памятниках Южного Урала [Антипина 2004, с. 193], Нижнего Поволжья [Малов, 1986, с. 139], Северо-Восточного Приазовья [Горбов, Мимоход, 1999, с. 29], Степного Поднепровья [Шарафутдинова, 1982, с. 18];

д) в поселенческой обрядности разных регионов высокий семиотический статус имели челюсти животных. Об этом свидетельствуют, в частности, комплексы Южного Урала [Антипина, 2004, с. 200-201], Нижнего Поволжья [Асафьев, 2009, с. 23, 26], Верхнего Подонья [Гак, 2011, с. 52], Северо-Восточного Приазовья [Горбов, Мимоход, 1999, с. 37], Нижнего Подонья [Усачук, 2012, с. 233]; Степного Поднепровья [Ромашко, 1993, с. 84];

е) важную роль играли в обрядовой практике манипуляции с астрагалами мелких копытных. Одной из таких манипуляций являлось закапывание скоплений этих предметов, что прослежено, например, на поселениях Южного Урала [Антипина, 2004, с. 200, 201], Северо-Восточного Приазовья [Горбов, Мимоход, 1999, с. 29]; Нижнего Подонья [Усачук, 2012, с. 232]⁴⁷;

8. На всем пространстве территории срубной общности использовалась посуда сходных форм, основные из которых могут быть сведены к трем – горшки, банки и острорезерные сосуды;

9. Довольно близкой была и орнаментация срубной керамики различных регионов. Конечно, локальные особенности в данной сфере изобразительности имели место, но, вместе с тем, знаки, комбинируя которые носители срубной культуры создавали разнообразие композиций, были в своем большинстве тождественными на всем пространстве от Южного Урала до Поднепровья. Так, из 17 “сюжетов орнамента”, которые выделил В.Ю. Луньков, анализируя орнаментацию керамики поселения Горный-1, Челябинская обл. (см.: Луньков, 2004, с. 53,

табл. 1.9) 11 (№№ 1-4, 7-9, 11, 12, 14, 15) находят соответствие в знаках, которые можно выделить, рассматривая орнамент сосудов из срубных погребений Донецкой обл. (см.: Цимиданов, 2004а, с. 30-33). На керамике срубных памятников Украины можно найти аналогии и прочим “сюжетам” – № 5 [Клейн, 1960, рис. 106, б], № 6 [Березанская, 1990, табл. XI], № 10 [Полин и др., 1992, рис. 11], № 13 [Самар, 1991, рис. 3, 9], № 16 [Отрощенко и др., 1977, рис. 11, 4]⁴⁸, № 17 [Березанская, 1990, рис. 21, 3]. Добавим, что по всей территории срубной общности встречается орнамент с “ресничками”, причем большинство типов и вариантов данного орнамента являются общими для восточной и западной территорий [Цимиданов, 2011, с. 52].

Показательно и то, что в пределах всего срубного ареала, наряду с орнаментальными композициями, включающими фризы, состоящие из повторяющихся элементов, встречается орнамент иных типов:

1. Тип IД – орнамент с доминирующим элементом (в орнаментальном фризе, среди повторяющихся элементов, находится элемент, диссонирующий на фоне остальных). В частности, орнамент данного типа известен на Южном Урале [Луньков 2003, рис. 1, 2], в Нижнем Поволжье [Памятники..., 1993, табл. 28, 2], на территории Украины [Цимиданов, 2004в, с. 51];

2. Тип II – композиция оригинальных фигур (фриз состоит из знаков разного облика). Такой орнамент известен на Южном Урале [Горбунов, Морозов, 1991, рис. XII, 9], в Среднем Поволжье [Отрощенко, Формозов, 1988, рис. 3, 6], на территории Украины [Цимиданов, 2004в, с. 51];

3. Тип III – “пиктограммы” (более или менее реалистические изображения объектов или явлений). Орнамент данного типа известен на Южном Урале [Стоколос 1972, рис. 13, 12], в Среднем Поволжье [Кузнецова, Седова, 1991, рис. 4, 4], на территории Украи-

⁴⁷ В последнем случае (поселение Ляпичев хутор) манипуляции (раскалывание, закапывание) проводились с астрагалами КРС.

⁴⁸ Возможно, данный знак был семантически равнозначен расчлененному валику, который очень часто встречается на срубной керамике Украины.

ны [Горбов, Мимоход, 1999, рис. 13, 1; Цимиданов, 2004в, с. 51] (подборку пиктограмм на срубной керамике различных регионов см.: Захарова, 2000, с. 62-67);

4. Тип IV – т.н. “письмена”. Они известны на Южном Урале [Стоколос, 1972, рис. 16, 3; Гаврилюк и др., 2006, рис. 2.15, 2], в Нижнем Поволжье [Памятники..., 1993, табл. 12, 11], на территории Украины [Цимиданов, 2004в, с. 51; Бровендер, 2012, с. 99] (подборку композиций с такого рода “надписями” на срубной посуде различных регионов см.: Захарова, 2000, с. 88-91);

10. На всей территории срубной общности были близки различные технологии. Например, изготовление и использование орудий из кости практически одинаково для разных регионов срубного мира (мелкие различия относятся к “этнографическим деталям”, меняющимся от поселения к поселению) [Пряхин, Килейников, 1986, с. 22, 25-28, 30; Усачук, 1993, с. 144; 1995, с. 90-94; 1996, с. 68-69; 1997а; 1997б, с. 82, 84; 1997в, с. 177-178; 2000а, с. 110; 2000б, с. 91-98; 2011, с. 207-208; 2012а, с. 227, 230-231; 2012б, с. 141-148, 154; Усачук, Бровендер, 1993, с. 184-185; Усачук, Литвиненко, 1999, с. 204-205; 2003, с. 163, 165; Килейников, 1988, с. 105-107; 1999; 2009, с. 101-113; др. работы]. Близко друг другу и изготовление различных роговых/костяных изделий типа втулок, колец, деталей жезлов, игральных костей на всем протяжении конца среднего – позднего бронзового века (памятники срубной общности входят в этот период) на огромных территориях степи и лесостепи [Усачук, 2010, с. 191-194; 2012б, с. 153, 156; 2013, с. 358-359].

В качестве компонентов формовочных масс для изготовления сосудов на всем пространстве срубной общности чаще всего использовались шамот и навоз животных. В частности, это зафиксировано при изучении керамики Южного Урала [Мухаметдинов, 2012, с. 104], Среднего Поволжья [Васильева и др., 2011, с. 134]⁴⁹, Среднего Подонья [Пряхин, 1993, с. 79; Беседин, 1996, с. 161-162]

и Среднего Подонья [Березанская, 1990, с. 75-76]. Говоря о керамике, заметим, что в разных регионах срубной общности основная масса гончарных инструментов изготавливалась из дерева [Чубатенко, Горбов, 1994, с. 58; Беседин, 1996, с. 166].

Список сходжений между элементами материальной и духовной культуры срубного населения различных регионов можно многократно расширить, но в задачи данной работы это не входит. Мы хотим лишь еще раз показать, что срубная культура была во многом единой на всем пространстве общности. Конечно, отдельные ее проявления варьировали в различных регионах, однако, это выражалось преимущественно в количественном, а не в качественном плане. И здесь стоит вспомнить понятие “культурная непрерывность”, уже давно используемое археологами. Под культурной непрерывностью обычно понимается то, что соседние культуры на их территориальном стыке порой очень слабо отличаются друг от друга в типологическом отношении, и в итоге остается неясным, где кончается одна из культур и начинается другая [Бочкарев, 2012, с. 16]. Отметим, что в данном случае мы сталкиваемся с частным проявлением глобальной закономерности. Она выражается в том, что различия между территориальными комплексами определенных признаков, присущих человеческим сообществам (антропологических, языковых, культурных и др.), наиболее рельефно проявляются тогда, когда сравниваются не соседние комплексы, а комплексы, удаленные друг от друга. При этом величина различий пропорциональна расстоянию. Первыми, еще в XIX в., данную закономерность обнаружили лингвисты. Затем ее проследили этнографы и антропологи. В итоге возникли понятия “лингвистическая непрерывность”, “антропологическая непрерывность”, “этническая непрерывность”, “брачная непрерывность” и т.п. [Алексеев, 1979, с. 188-190]. Что касается конкретно “культурной непрерывности” применительно

⁴⁹Уточним, что в ряде регионов на раннем этапе срубной культуры в качестве примеси использовалась толченая раковина [Мочалов, 2008, с. 176].

к археологическим культурам эпохи бронзы, то в ряде случаев она проявляется довольно ярко⁵⁰, однако, на наш взгляд, значительно чаще имело место явление, которое можно обозначить термином “внутрикультурная непрерывность”. Суть данного явления – в том, что в пределах ареала археологической культуры, если он достаточно обширен, памятники соседних географических регионов (скажем, бассейнов рек, междуречий) имеют больше общего, чем различного, и в итоге трудно выделить локальные варианты культуры. Обрисованное явление применительно к культурным образованиям, выделяемым археологами, очевидно, имеет место не всегда, но в случае со срубной культурой оно буквально бросается в глаза. Массивы срубных памятников узких регионов, расположенных по соседству, демонстрируют очень много общих черт, причем это не зависит, как мы показывали выше, от того, находятся ли данные регионы в одной природной зоне или в разных. Но если регионы не граничат, сходство между массивами выражено слабее. Максимальную слабость сходства будут, естественно, демонстрировать памятники, выявленные на противоположных окраинах срубного ареала. В итоге и оказывается, что срубные погребения Воронежской обл. по многим признакам ближе к погребениям Харьковской обл., чем к погребениям, например, Челябинской обл.

На наш взгляд, права была Н.К. Качалова, много лет назад констатировавшая: “Видимо, в срубной культуре... не следует ожидать такой обособленности локальных групп, как например, в катакомбной. В последней они настолько разобщены, что дают основания определять их как самостоятельные археологические культуры... Местная специфика срубных же памятников существует в пределах единой культурно-исторической общности” [Качалова, 1977, с. 23].

В заключение отметим, что картина, демонстрируемая срубной культурой, близка той, которая имеет место в культурах,

изучаемых этнографами. Например, у украинцев⁵¹ в различных регионах их этнической территории различались одежда [Український народний одяг, 1992; Ніколаєва, 1994, с. 110-111; др. работы], посуда [Шульгина, 1929а, с. 181, 184-185; Шевченко, Повод, 1964, с. 618; Горленко, Боряк, 1994, с. 56; Вовк, 1995, с. 64; др. работы], жилища [Косміна, 1994, с. 9-19; Вовк, 1995, с. 95-97], орудия и хозяйственные приспособления [Риженко, 1927, с. 268-269; Заглада, 1929, с. 11; Шульгина, 1929а, с. 182-183; 1929б, с. 81; Спаська, 1929, с. 106-108; Горленко, 1994, с. 37-47; Бетехтіна, 1994, с. 73-77, 78; др.] и т.п. Даже отдельные проявления погребальной обрядности, которую очень унифицировало христианство, имели свои локальные особенности. Так, в некоторых местностях над покойником не плакали, а наоборот, веселились, пели песни, устраивали шумные игры [Вовк, 1995, с. 213]. Цвет погребальной одежды на большей части территории Украины был белым. Но в отдельных регионах покойников облачали в красную (или белую с красной вышивкой), синюю, голубую или зеленую одежду [Маслова, 1984, с. 96-97; Пономарьов, 1994, с. 179]. На Полесье могилы порой обкладывали бревнами, обмазанными красной глиной (чтобы помешать покойнику вредить живым) [Скурагівський 1996, с. 490]. В некоторых селах данного региона умерших погребали головой не на запад, а на восток [Боряк, 2012, с. 79]. К особенностям полесского погребального обряда относятся также помещение в гробы дополнительных комплектов одежды, включая даже верхнюю одежду и шапку [Боряк, 2012, с. 81] и – при похоронах молодых людей, умерших до брака – семян тыквы, чтобы обеспечить преждевременно умершим плодородие в потустороннем мире [Яковлева, 2005, с. 78]⁵². Среди украинцев Карпат сохранился своеобразный обряд прощания (так называемая “проща”), когда священник от имени умершего говорил с родными и близкими покойника, при этом все участники

⁵⁰ Например, на территории Южного Урала, где выделяются т.н. “срубно-алакульские” памятники.

⁵¹ То же, естественно, касается и многих других народов.

похорон стояли на коленях, а после прощия приносили в жертву теленка, жеребенка и ягненка [Пономарьов, 1994, с. 180]. А на Волыни и в отдельных селах Житомирской области участники похоронной процессии мужского пола из числа родственников покойника перевязывали руки не платками, как принято в большинстве регионов страны

[Пономарьов, 1994, с. 180], а рушниками, что вызывало неодобрение священников [Давидюк, 2005, с. 75]. Число примеров локальных различий украинской культуры можно многократно увеличить, но при всем том мы имеем дело с единой культурой, а не с несколькими. То же, на наш взгляд, можно сказать и о срубной культуре.

Таблица 1. Удельный вес курганов с различным количеством основных погребений и курганов с впускными погребениями в некоторых регионах ареала “ПМСК” (%)

Регионы	Курганы с 1 основным погребением	Курганы с 2 основными погребениями	Курганы с 3-10 основными погребениями	Курганы с 11 и более основными погребениями	Курганы с впускными* погребениями
Челябинская обл. 37**	18,9	16,2	51,4	13,5	--
Башкортостан 140	40,0	24,3	32,1	3,6	3,6
Самарская обл. 100	28,0	22,0	31,0	15,0	20,0
Оренбургская обл. 49	22,4	16,3	26,5	14,3	34,5
Саратовская обл. 156	46,8	5,8	12,2	0,6	61,5
Воронежская обл. 82	32,9	7,3	9,6	2,4	71,9

Примечания. * – в т.ч. те, где основными являлись срубные погребения; ** – число учтенных курганов со срубными погребениями.

⁵² Этот обычай зафиксирован и на Холмщине [Яковлева 2005, с. 78].

Таблица 2. Удельный вес курганов с различным количеством основных погребений и курганов с впускными погребениями в некоторых регионах ареала “БМСК” (%)

Регионы	Курганы с 1 основным погребением	Курганы с 2 основными погребениями	Курганы с 3-10 основными погребениями	Курганы с 11 и более основными погребениями	Курганы с впускными* погребениями
Харьковская обл. 59**	33,9	10,2	5,1	--	69,5
Днепропетровская обл. 248	31,0	1,6	1,6	--	76,6
Донецкая обл. 289***	28,7	4,8	5,9	1,0	72,3
Запорожская обл. 174	29,3	4,6	4,0	--	79,9
Херсонская обл. 68	35,3	--	1,5	--	77,9
Крым 109	36,7	1,8	1,8	--	59,6

Примечания. * – в т.ч. те, где основными являлись срубные погребения; ** – число учтенных курганов со срубными погребениями; *** – без учета курганов Левобережья Северского Донца.

Таблица 3. Удельный вес впускных погребений в массивах срубных захоронений “ПМСК” и “БМСК” некоторых регионов

Регионы	Число учтенных курганных погребений*	Удельный вес впускных среди них (%)
Ареал “ПМСК”		
Оренбургская обл.	272	39,7
Саратовская обл.	351	53,3
Воронежская обл.	222	56,8
Ареал “БМСК”		
Харьковская обл.	106	64,2
Днепропетровская обл.	602	81,4
Донецкая обл.**	764	70,5
Запорожская обл.	526	80,8
Херсонская обл.	174	85,6
Крым	223	77,1

Примечания. * – при составлении таблицы учитывались лишь те погребения, относительно которых более или менее надежно устанавливается, являлись они основными или впускными; ** – без Левобережья Северского Донца.

Таблица 4. Данные о параметрах срубных курганов в некоторых регионах “ПМСК” и “БМСК”

Регионы	Удлиненные курганы* (%)	Курганы с диаметром более 20 м (%)	Курганы с высотой до 0,5 м (%)	Курганы с высотой 0,6-1,5 м (%)	Курганы с высотой более 1,5 м (%)
Ареал “ПМСК”					
Челябинская обл. 38**	13,2	10,5	58,3	41,7	--
Самарская обл. 105	5,7	52,4	45,8	46,9	7,3
Оренбургская обл. 39	5,1	33,3	58,3	41,7	--
Саратовская обл. 98	5,1	40,8	67,4	31,2	1,1
Воронежская обл. 54	14,8	57,4	52,3	43,2	4,5
Ареал “БМСК”					
Днепропетровская обл. 72	15,3	72,2	39,4	49,3	11,3
Донецкая обл.*** 126	11,1	34,9	20,8	73,3	5,8
Запорожская обл. 63	23,8	65,1	41,3	50,8	7,9
Ростовская обл.**** 59	13,6	32,2	55,1	30,6	14,3

Примечания. * – сюда отнесены курганы, где соотношение длины к ширине составляет 1,3/1 и более; ** – число курганов, возведенных срубниками, без учета тех, где они достраивали насыпи более ранних культур; *** – без Левобережья Северского Донца; **** – районы, относящиеся к Донбассу, Приазовью, Нижнему Подонью и Предкавказью.

Таблица 5. Ориентировка погребений “ПМСК” в некоторых регионах и покровской культуры в Саратовской обл. (%)

Регионы	Варианты ориентировки									ССЗ, С, ССВ вместе	ВСВ, В, ВЮВ вместе
	СЗ	ССЗ	С	ССВ	СВ	ВСВ	В	ВЮВ	Прочие		
“ПМСК”											
Челябинская обл. 188*	9,0	17,6	39,4	16,5	11,2	1,6	1,1	0,5	3,2	73,4	3,2
Башкортостан 396	6,6	8,8	36,6	17,4	25,5	0,8	2,3	0,5	1,5	62,9	3,5
Самарская обл. 652	7,5	6,3	29,1	17,0	28,9	3,7	3,7	0,3	3,4	34,2	7,7
Оренбургская обл. 257	3,5	1,9	16,7	10,5	43,2	10,1	9,7	1,9	2,3	29,2	21,8
Саратовская обл. 569	3,5	3,3	21,0	16,2	43,4	3,0	5,3	0,9	3,3	40,6	9,1
Воронежская обл. 231	1,7	5,2	14,3	14,7	38,5	6,5	10,8	2,6	5,6	34,2	19,9
Покровская культура											
Саратовская обл. 188	6,4	11,2	28,7	14,4	31,9	1,6	1,1	1,1	3,7	54,3	3,7

Примечания. * – число учтенных погребений с известной ориентировкой.

Таблица 6. Ориентировка погребений “ПМСК” в некоторых могильниках (%)

Могильники	Варианты ориентировки										ССЗ, С, ССВ вместе	ВСВ, В, ВЮВ вместе
	СЗ	ССЗ	С	ССВ	СВ	ВСВ	В	ВЮВ	Прочие			
Старые Ябалаклы, Башкортостан 159*	8,2	11,3	39,6	16,4	22,0	--	1,3	--	1,3		67,3	1,3
Ягодное и Хрящевка, Самарская обл. 118	11,0	7,6	57,6	5,1	8,4	--	3,4	--	6,7		70,3	3,4
Лузановка, Самарская обл. 88	7,9	3,4	26,1	19,3	36,4	3,4	1,1	--	2,3		48,8	4,5
Съезжее II, Самарская обл. 47	2,1	6,4	19,1	19,1	34,0	8,5	6,4	2,1	2,1		44,6	17,0

Примечания. * – число учтенных погребений с известной ориентировкой.

Таблица 7. Ориентировка погребений “БМСК” в некоторых регионах (%)

Регионы	Варианты ориентировки										ССЗ, С, ССВ вместе	ВСВ, В, ВЮВ вместе
	СЗ	ССЗ	С	ССВ	СВ	ВСВ	В	ВЮВ	Прочие*			
Харьковская обл. 137**	2,9	3,6	14,6	8,8	16,1	7,3	35,0	1,5	10,2		27,0	43,8
Днепропетровская обл. 504	1,0	0,2	3,0	1,8	38,5	3,6	38,9	3,0	10,1		5,0	45,4
Луганская обл.***	0,8	1,1	3,1	5,9	35,9	7,6	34,2	6,5	4,8		10,2	48,3
Донецкая обл.**** 623	0,2	0,2	3,4	5,3	35,2	10,6	37,4	3,9	4,0		8,8	51,8
Запорожская обл. 451	0,9	0,4	4,2	3,3	24,4	10,9	42,1	4,7	9,1		8,0	57,6
Херсонская обл. 143	--	--	3,5	0,7	25,9	6,3	39,9	9,8	14,0		4,2	55,9
Крым 183	--	1,1	--	0,5	32,2	10,9	35,5	6,9	12,8		1,1	53,6
Ростовская обл.***** 771	0,6	0,3	2,6	5,1	22,0	12,8	42,9	7,9	5,7		7,9	63,7

Примечания. * – преимущественно юго-восточная; ** – число учтенных погребений с известной ориентировкой; *** – без Левобережья Северского Донца; **** – без Левобережья Северского Донца; ***** – районы, относящиеся к Донбассу, Приазовью, Нижнему Подонью и Предкавказью.

Таблица 8. Удельный вес погребений с различным числом сосудов в некоторых регионах “ПМСК” (%)

Регионы	Число сосудов в погребении					Среднее число сосудов на 1 погребение
	0	1	2	3	4 и более	
Челябинская обл. 164	18,3	35,4	39,6	5,5	1,2	1,4
Башкортостан 438	7,1	62,6	26,7	3,2	0,4	1,3
Самарская обл. 732	14,3	52,0	29,9	3,0	0,7	1,2
Оренбургская обл. 260	30,4	56,9	10,4	1,9	0,4	0,9
Саратовская обл. 614	18,6	51,8	25,7	3,6	0,3	1,2
Воронежская обл. 265	13,2	61,9	18,1	6,0	0,8	1,2

Таблица 9. Удельный вес погребений с различным числом сосудов в некоторых могильниках “ПМСК” (%)

Могильники	Число сосудов в погребении					Среднее число сосудов на 1 погребение
	0	1	2	3	4 и более	
Старые Ябалаклы, Башкортостан 164*	6,1	46,3	41,5	4,9	1,2	1,5
Ягодное и Хрящевка, Самарская обл. 138	6,5	55,1	33,3	4,3	0,7	1,4
Лузановка, Самарская обл. 117	5,9	53,0	29,9	11,1	--	1,5
Съезжее, Самарская обл. 61	13,1	78,7	8,2	--	--	1,0
Волчанка, Самарская обл. 46	17,4	28,3	52,2	2,2	--	1,4

Примечания. * – количество учтенных погребений с известным числом сосудов.

Таблица 10. Удельный вес погребений с различным числом сосудов в некоторых регионах “БМСК” (%)

Регионы	Число сосудов в погребении					Среднее число сосудов на 1 погребение
	0	1	2	3	4	
Харьковская обл. 177	23,2	61,6	12,4	2,8	--	0,9
Днепропетровская обл. 626	12,5	78,0	8,3	1,1	0,2	1,0
Луганская обл.* 424	9,1	81,6	7,3	0,7	0,5	1,0
Донецкая обл.** 789	9,3	79,3	9,6	1,4	0,4	1,0
Запорожская обл. 521	15,	80,4	4,0	0,2	--	0,9
Херсонская обл. 182	16,5	77,5	6,0	--	--	0,9
Крым 217	16,6	80,6	2,3	--	0,5	0,9
Ростовская обл.*** 927	17,5	77,9	4,2	0,2	0,2	0,9

Примечания. * – без Левобережья Северского Донца; ** – без Левобережья Северского Донца; *** – районы, относящиеся к Донбассу, Приазовью, Нижнему Подонью и Предкавказью.

Таблица 11. Удельный вес срубных погребений с 2 и более сосудами в некоторых регионах

Регионы	Число учтенных погребений с известным числом сосудов	Удельный вес погребений с 2 и более сосудами (%)
Самарская обл.	732	33,6
Саратовская обл.	614	29,6
Волгоградская обл. (Поволжье)	409	13,9
Астраханская обл.	61	8,2
Воронежская обл.	265	24,9
Харьковская обл.	177	15,2
Днепропетровская обл.	626	9,6
Донецкая обл. (Донбасс)	346	13,3
Луганская обл. (Донбасс)	424	8,5
Ростовская обл. (Донбасс)	125	8,0
Запорожская обл.	521	4,2
Херсонская обл.	182	6,0
Донецкая обл. (Северо-Восточное Приазовье)	443	8,5
Ростовская обл. (Северо-Восточное Приазовье)	211	6,5
Ростовская обл. (Нижнее Подонье)	540	2,7
Ростовская обл. (Предкавказье)	48	4,1
Крым	217	2,8

Таблица 12. Частота встречаемости орнамента, выполненного зубчатым штампом и шнуром на керамике из срубных погребений различных регионов

Регионы	Число учтенных орнаментированных сосудов	Удельный вес сосудов, орнаментированных оттисками зубчатого штампа	Удельный вес сосудов с орнаментированных оттисками шнура
Челябинская обл.	118	34,7	1,7
Башкортостан	310	45,8	0,6
Оренбургская обл.	141	44,7	--
Самарская обл.	467*	59,1	1,3
Саратовская обл.	281	37,0	2,8
Волгоградская обл.**	142*	13,4	4,2
Астраханская обл.	19*	26,3	10,5
Воронежская обл.	166	32,5	6,0
Харьковская обл.	57*	22,8	17,5
Днепропетровская обл.	234***	7,3	25,2
Донецкая обл.****	344*	14,5	18,6
Запорожская обл.	166	6,6	19,9
Херсонская обл.	43	7,0	32,6
Ростовская обл.*****	289	12,5	26,6

Примечания. * – на 1 сосуде имеются оттиски и зубчатого штампа, и шнура; ** – районы, относящиеся к Поволжью; *** – на 2 сосудах имеются оттиски и зубчатого штампа, и шнура; **** – без Левобережья Северского Донца; ***** – районы, относящиеся к Донбассу, Северо-Восточному Приазовью, Нижнему Подонью и Предкавказью.

Таблица 13. Частота встречаемости костей разных частей туш животных в захоронениях с мясной пищей* различных регионов (%)

Регионы	Ребра	Кости конечностей	Челюсти	Лопатки	Позвонки	Кости таза	Сочетания костей
Челябинская обл. 9**	11,1 (22,2***)	22,2	33,3	-- (11,1)	11,1	11,1	11,1
Башкортостан 14	71,4	21,4	--	--	--	7,1	--
Оренбургская обл. 12	58,3	16,7	-- (16,7)	--	8,3	--	16,7
Татарстан 19	73,7 (84,2)	5,3 (10,2)	--	5,3	-- (5,3)	5,3	10,5
Самарская обл. 50	76,0 (80,0)	6,0 (8,0)	2,0	--	6,0 (8,0)	4,0 (8,0)	6,0
Саратовская обл. 32	62,5	18,8 (21,9)	12,5	3,2	--	-- (3,2)	0,3
Волгоградская обл. (Поволжье) 21	47,6 (61,9)	28,6 (42,9)	--	-- (4,8)	4,8 (14,3)	--	19,0
Астраханская обл. 4	50,0 (75,0)	25,0 (50,0)	--	--	--	--	25,0
Воронежская обл. 10	70,0	30,0	--	--	--	--	--
Харьковская обл. 10	60,0	10,0 (20,0)	--	--	10,0 (20,0)	10,0	10,0
Днепропетровская обл. 44	27,3 (36,4)	27,3 (38,6)	13,6 (15,9)	4,5 (11,4)	4,5	6,8 (9,1)	15,9
Донецкая обл. **** 39	35,9 (43,6)	10,3 (17,9)	--	--	10,3	25,6 (35,9)	17,9
Луганская обл. **** 9	44,4 (55,6)	11,1 (22,2)	--	11,1	22,2	--	11,1
Запорожская обл. 33	51,5 (54,5)	18,2 (27,3)	3,0 (6,0)	-- (6,0)	6,0 (12,1)	9,1 (12,1)	12,1
Херсонская обл. 8	12,5	12,5	12,5	12,5	12,5	37,5	--
Крым 26	34,6	7,7	--	3,8	30,8 (34,6)	19,2 (23,1)	3,8
Ростовская обл. ***** 24	37,5 (50,0)	16,7 (33,3)	8,3 (16,7)	--	4,2 (20,8)	-- (12,5)	33,3

Примечания. * – учитывались лишь кости, выявленные на дне могильных ям; не брались в расчет черепа, ибо их семантика была иной, чем прочих костей; ** – число погребений, по которым есть соответствующая информация; *** – в скобках – показатели с учетом комплексов, где имели место сочетания разных костей; **** – без Левобережья Северского Донца; ***** – районы, относящиеся к Донбассу, Северо-Восточному Приазовью, Нижнему Подонью и Предкавказью.

Таблица 14. Частота встречаемости захоронений с деревянными блюдами в различных регионах срубной общности (%)

Регионы	Учтено погребений	Процент комплексов с блюдами среди них
Саратовская обл. (бассейн р. Медведица)	104	1,0
Харьковская обл.	175	0,6
Полтавская обл.	74	1,4
Днепропетровская обл.	651	1,1
Донецкая обл. (без левобережья Северского Донца)	827	1,0
Луганская обл. (без левобережья Северского Донца)	423	0,5
Запорожская обл.	539	0,4
Херсонская обл.	187	0,5
Крым	221	--
Ростовская обл. (районы, относящиеся к Донбассу, Северо-Восточному Приазовью, Нижнему Подонью и Предкавказью)	954	0,1*

Примечание. * – в данном регионе погребение с деревянным блюдом было выявлено лишь 1 и находилось оно в Донбассе.

Таблица 15. Частота встречаемости захоронений с набором “височные подвески + браслеты + ожерелье” в различных регионах срубной общности (%)

Регионы	Учтено погребений	Число комплексов с данным набором	Процент комплексов с данным набором
Челябинская обл.	198	1	0,5
Башкортостан	448	4	0,9
Оренбургская обл.	272	3	1,1
Самарская обл.	766	8	1,0
Саратовская обл.	609	2	0,3
Волгоградская обл. (Поволжье)	409	3	0,7
Астраханская обл.	69	1	1,4
Волгоградская обл. (Среднее Подонье)	101	1	1,0
Ростовская обл. (Среднее Подонье)	155	1	0,6

Таблица 16. Удельный вес лиц разных возрастных и половых групп в погребениях различных регионов срубной общности (%)

Регионы	Возрастные группы			Половые группы среди взрослы (лица 17/20* и более лет	
	0-6 лет	7-16/19 лет	17/20 лет и старше	Мужчины	Женщины
“ПМСК”					
Южный Урал 197**/82***	27,4	26,4	46,2	53,7	46,3
Среднее Поволжье 439/158	32,8	25,7	41,5	62,7	37,3
Нижнее Поволжье (Саратовская обл.) 177/65	38,4	24,9	36,7	61,5	38,5
Верхнее и Среднее Подонье (Липецкая, Воронежская и крайний север Волгоградской обл.) 89/45	35,9	12,4	51,7	53,3	46,7
Ареал “ПМСК” в целом 902/350	33,0	24,4	42,6	59,1	40,9
“БМСК”					
Донбасс 295/124	20,0	22,4	57,6	54,0	46,0
Северо-Восточное Приазовье 124/62	18,5	16,9	64,5	46,8	53,2
Нижнее Подонье 125/45	32,8	21,6	45,6	62,2	37,8
Ареал «БМСК» в целом**** 723/341	21,0	20,6	58,4	62,2	37,8

Примечания. * – на Южном Урале и в Поволжье взрослыми считались лица 17 лет и старше, а на более западных территориях – 20 лет и старше [Цимиданов 2008, с. 68]; ** – число погребений с определенным возрастом, учтенных применительно к данному региону; *** – число погребений с определенным полом, учтенных применительно к данному региону; **** – с подключением данных по регионам, где сводки рассматриваемых погребений не репрезентативны.

Таблица 17. Частота встречаемости различных категорий дополнительного инвентаря в погребениях срубной культуры (%)

Категории и группы категорий инвентаря*	Южный Урал 950**	Поволжье 1932	Подонье и Предкавказье 1340	Днепро- Донецкий регион*** 3636
Украшения****	12,42	11,9	6,42	2,17
Жезл с навершием в виде каменного топора	0,21	0,21	0,07	0,06
Жезл с навершием в виде булавы	0,32	0,52	0,30	0,08
Жезл-трость	0,63	0,98	0,22	0,17
Стрела – оружие	0,11	1,09	--	--
Бронзовый кинжал	--	0,16	--	--
Деревянная чаша	0,11	0,41	0,07	0,61
Бронзовый сосуд	--	0,05	--	0,03
Астрагал мелкого рогатого скота	1,79	3,99	1,94	2,53
Бронзовая бритва	--	0,05	--	0,03
Бронзовый нож	0,42	2,79	0,82	1,79
Деревянное блюдо	0,11	0,05	0,07	0,66
Бронзовое шило	0,32	1,50	0,60	0,44
Бронзовая игла	0,11	0,98	0,45	0,47
Бронзовый серп	0,11	0,05	0,07	--
Бронзовое долото	--	0,05	--	--
Глиняная льячка	--	0,05	--	--
Пест или растиральный	0,11	0,05	0,22	0,19
Абразив	0,11	0,16	0,07	0,11
Каменный диск	0,21	--	--	0,03
Пряслице	0,11	0,31	0,22	0,19
Костяная проколка	0,11	0,16	--	--
Комплект “спиц” (гребнеобразное орудие прядения?)	--	0,05	--	0,17
Орудие для обработки кожи	--	0,05	0,07	0,03
Костяная трубка	0,21	0,57	0,60	0,25
Флейта	--	0,10	--	0,08
Плеть	0,11	0,10	0,07	0,11
Наконечник стрелы – ритуальный атрибут	0,21	0,05	0,07	0,06
Псалий	--	0,10	--	--
Каменная модель топора	--	0,05	--	--
Астрагал крупного рогатого скота	0,11	1,04	0,30	0,14
Астрагал свиньи	--	0,41	0,07	--

Примечания. * – в таблицу не включены некоторые бронзовые, костяные и деревянные изделия, функциональное назначение которых не ясно; ** – число учтенных погребений; *** – Украина и прилегающие районы Ростовской области, относящиеся к Донбассу и Северо-Восточному Приазовью; **** – включая клыки хищников с отверстиями, пряжки и гребни.

Таблица 17 (продолжение). Частота встречаемости различных категорий дополнительного инвентаря в погребениях срубной культуры (%)

Категории и группы категорий инвентаря	Южный Урал 950	Поволжье 1932	Подонье и Предкавказье 1340	Днепро- Донецкий регион 3636
Астрагал кабана	0,11	--	--	0,03
Путовая кость лошади	1,26	1,40	0,30	0,41
Венечная кость лошади	--	0,05	--	0,03
Пястная кость крупного рогатого скота	--	0,21	--	--
Плюсневая кость мелкого рогатого скота	--	--	0,07	--
Копыто лошади	0,11	0,10	--	--
Копыто мелкого рогатого скота	--	0,05	--	0,03
Фрагмент рога крупного рогатого скота	--	--	0,07	--
Зуб жвачного животного	0,21	0,26	0,45	0,11
Зуб хищника без отверстия	--	--	0,22	--
Клык кабана	--	0,16	--	--
Зуб человека	0,11	--	--	0,03
Костяк змеи	--	0,05	--	--
Кусочек мела	--	0,10	0,07	0,06
Кремень	0,74	0,47	0,97	0,63
Камешек	0,11	0,57	0,30	0,14
Кристалл горного хрусталя	0,11	0,05	--	--
Кусочек медной руды	--	--	--	0,03
Кусочек шлака	--	--	--	0,03
Королек бронзы	--	--	--	0,03
Раковина моллюска	0,74	0,31	0,37	0,14
Белемнит	0,11	--	--	--
Кусочек смолы	0,11	--	--	0,03

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиева Ю.П.** Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. – М.: Наука, 1974. – 348 с.
- Аверкиева Ю.П., Золотаревская И.А.** Индейцы прерий // Индейцы Америки / Труды Института этнографии. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XXV. – С. 98-118.
- Агапов С.А., Ватазина А.П., Пестрикова В.И.** Работы на севере Саратовской области // АО-1977. – М.: Наука, 1978. – С. 150-151.
- Агапов С.А., Иванов А.Ю.** Металлообработывающий комплекс поселения Липовый Овраг // Поселения срубной общности. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – С. 133-143.
- Агульников С.М.** Могильники белозерской культуры у с. Хаджиллар в Северо-Восточном Буджаке // МАСП. – Вып. 12. – Одесса: “Печатный дом”; “Фаворит”, 2011. – С. 278-293.
- Алексеев В.П.** Историческая антропология. – М.: Высшая школа, 1979. – 216 с.
- Алихова А.Е.** Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки // КСИИМК. – 1955. – № 59. – С. 91-99.
- Антипина Е.Е.** Археозоологические материалы // Каргалы, т. III: Селище Горный: Археозоологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. – М., 2004. – С. 182-239.
- Антипина Е.Е., Моралес А.** “Ковбой” Восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – Вып. 4. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 29-49.
- Антоненко Б.О.** Курганный могильник поблизу с. Морокино // Похоральный обряд давнего населения Украины. – К.: Вид-во Київського ун-ту, 1991. – С. 151-161.
- Асафьев Н.К.** К вопросу о ритуальном характере комплекса срубного поселения Н. Красавка // XLI международная урало-поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. – Уфа, 2009. – С. 22-26.
- Багаутдинов Р.С., Васильева И.Н.** Курганные группы Золотая Нива I и II // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Вып. 2. – Самара: Самарский ун-т, 2004. – С. 181-211.
- Багаутдинов Р.С., Кузнецова Л.В., Седова М.С., Скарбовенко В.А.** Работы Средневожской экспедиции // АО-1986. – М.: Наука, 1988. – С. 153-154.
- Баландина Г., Астафьев А.** Опыт реконструкции и интерпретации погребально-поминального комплекса эпохи поздней бронзы Актауского могильника // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Вып. 1. – Самара: Диалог, 1996. – С. 133-155.
- Баталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б.** Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск, 1996. – С. 64-88.
- Батиева Е.Ф.** Антропологические материалы из срубных погребений междуречья Дона и Чира // Э.С. Шарафутдинова, В.Г. Житников. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор – История, 2011. – 180 с.
- Бахшиев И.И.** Культурное взаимодействие населения Башкирского Зауралья в эпоху бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – Казань, 2010. – 27 с.
- Березанская С.С.** Северная Украина в эпоху бронзы. – К.: Наукова думка, 1982. – 207 с.
- Березанская С.С.** Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. – К.: Наукова думка, 1990. – 150 с.
- Березанская С.С., Гершкович Я.П.** Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 100-110.

Березанская С.С., Чердниченко Н.Н. Срубная культура // Археология Украинской ССР. – Т. I. – К.: Наукова думка, 1985. – С. 462-473.

Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). – Харьков: ПФ Амет, 2001. – 264 с.

Беседин В.И. Гончарное производство // А.Д. Пряхин. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. – Кн. вторая. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. – С. 158-173.

Бетехтіна Т. Господарське начиння // Українська минувшина. Ілюстрований етнографічний довідник. – К.: “Либідь”, 1994. – С. 71-78.

Борисов А.В., Демкин В.А., Бобров А.А. Реконструкция пищи в керамических сосудах из курганных погребений // Проблемы дослідження пам’яток археології Східної України. – Луганськ, 2005. – С. 99-101.

Боряк О. “Там живуть такі, як я...”: сільське кладовище як простір потойбічного життя (за матеріалами польових досліджень Полісся) // НТЕ. – 2012. – № 4. – С. 76-88.

Бочкарев В.С. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // Производственные центры: источники, “дороги”, ареал распространения. – СПб., 2006. – С. 53-69.

Бочкарев В.С. О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – Кн. 2. – СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. – С. 13-24.

Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // МДАСУ. – № 6. – Луганськ, 2006. – С. 32-311.

Братченко С.Н. Олександрівські могили-кургани в долині Лугані // МДАСУ. – № 8. – Луганськ, 2008. – С. 134-217.

Братченко С.Н., Балонов Ф.Р., Гершкович Я.П. Погребения эпохи энеолита и бронзового века Александровского кургана № 9 на р. Лугань // МДАСУ. – № 3. – Луганськ, 2004. – С. 30-74.

Братченко С.Н., Гершкович Я.П. Бахмутовская курганная группа // МИАВУ. – № 1. – Луганск, 2003. – С. 247-277.

Братченко С.Н., Гершкович Я.П., Константиnescу Л.Ф. Отчет Донецкой экспедиции за 1978 г.: Исследование курганов в Славяносербском районе Ворошиловградской области и в Амвросиевском районе Донецкой области // НА ИА НАНУ. – 1978/1.

Братченко С.Н., Шарафутдинова Э.С. Ливенцовский могильник I // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. – Вып. 16. – Азов, 2000. – С. 160-216.

Бровендер Ю.М. Поселення зрубної спільності в середній течії Сіверського Дінця: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.04 / Ін-т археол. НАНУ. – К., 2000а. – 21 с.

Бровендер Ю.М. Степановский тип памятников бережновско-маевской срубной культуры // Labores pariant honores. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2000б. – С. 123-134.

Бровендер Ю.М. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. – Алчевск, 2012. – 234 с.

Бровендер Ю.М., Загородняя О.Н. Раскопки поселения эпохи бронзы Червонэ Озеро 1 на Картамышском рудопроявлении в Центральном Донбассе // АДУ.2009. – К.: Луцьк, 2009. – С. 43-44.

Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Грунтовый могильник позднего бронзового века Червонный Шлях-1 в бассейне Северского Донца // Вісник Харківського національного університету. Історія. – Вип. 37. – Харків, 2005. – С. 110-119.

Буйнов Ю.В., Михеев В.К. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // Вестник ХГУ. История. – Вып. 23. – Харьков, 1989. – С. 90-93.

Буров Г.М. Исследования в Ульяновском Поволжье // АО-1971. – М.: Наука, 1972. – С. 200-201.

Васильев И.Б. Лузановский курганный могильник // Средневожжская археологическая экспедиция. – Куйбышев, 1977. – С. 5-43.

Васильев И.Б. Работы Прикаспийской экспедиции // АО-1981. – М.: Наука, 1983. – С. 139.

Васильев И.Б., Ватазина А.П., Миронов В.Г., Пестрикова В.И. Раскопки в Саратовской области // АО-1976. – М.: Наука, 1977. – С. 132-133.

Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). – Куйбышев, 1985. – С. 60-94.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Периодизация культур бронзового века Волго-Уральского региона // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. – СПб., 1993. – С. 66-68.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. – Куйбышев, 1986. – 230 с.

Васильева И.Н., Салугина Н.П., Кулакова Л.С. Одиночный курган Рассвет I // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 9. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – С. 118-136.

Вовк Х.К. Студії з української етнографії та антропології. – К.: Мистецтво, 1995. – 336 с.

Гаврилюк А.Г., Григорьев С.А., Марков С.С. Погребальные комплексы. Могильники Ак-Мулла I, Городищенское IX, Наровчатский II // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) / Серия “Этногенез уральских народов”. – Челябинск: Рифей, 2006. – С. 89-152.

Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. – М.: ГИМ, 2011. – 224 с.

Галкин Л.Л. О роли экологических факторов в истории населения Волго-Уральского междуречья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Вып. 1. – Самара: Диалог, 1996. – С. 56-62.

Гершкович Я.П., Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., Панковский В.Б., Усачук А.Н., Шевченко Д.А. Комплексные исследования поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Северского Донца // АДУ 2003-2004 рр. – К.: ІА НАН України; Запоріжжя: Дике поле, 2005. – С. 95-99.

Гончарова Ю.В. Дорогами степного коридора. Типы, варианты, предположения // Stratum plus. – 2000. – № 2. – СПб. Кишинев, Одесса, Бухарест. – С. 590-594.

Горбов В.Н. Парадоксы поселения у хутора Ляпичев // Проблемы археологии и архитектуры. Том.1: “Археология”. – Донецк, Макеевка, 2001. – С.145-170.

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 24-69.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Курган бронзового века в Северо-Восточном Приазовье // Археологический альманах. – № 25. – Донецк, 2011. – С. 46-70.

Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правом берегу р. Дема // СА. – 1977. – № 1. – С. 149-161.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. – Уфа, 1992. – 324 с.

Горбунов В.С. О некоторых устойчивых параметрах погребального обряда племен срубной культуры Волго-Уральской лесостепи // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. – К.; Николаев; Южноукраинск, 1997. – С. 74-75.

Горбунов В.С. Некоторые суждения о концепции В.В. Отрощенко по истории племен срубной общности // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 17: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. – С. 97-101.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1991. – 161 с.

Горленко В. Види господарської діяльності // Українська минувшина. Ілюстрований етнографічний довідник. – К.: “Либідь”, 1994. – С. 34-54.

Горленко В., Боряк О. Ремесла й промисли // Українська минувшина. Ілюстрований етнографічний довідник. – К.: “Либідь”, 1994. – С. 55-70.

Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. – Т. 1. – М., 1907. – С. 286-365.

- Граков Б.Н.** Ранний железный век. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 232 с.
- Григорьев С.А.** Минералогия шлака Мосоловского поселения // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 17: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. – С. 123-133.
- Грязнов М.П.** Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону // КСИИМК. – 1953. – Вып. L. – С. 137-148.
- Давидюк В.** Етнокультурна своєрідність Волині // НТЕ. – 2005. – № 3. – С. 66-77.
- Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.** Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 году // Древности Астраханского края. – М.: Наука. – 1977. – С. 3-77.
- Демкин В.А., Демкина Т.С.** Возможности реконструкции погребальной пищи в керамических сосудах из курганов бронзового и раннежелезного веков // ЭО. – 2000. – № 4. – С. 73-81.
- Добровольская М.В.** Человек и его пища. – М.: Научный мир. – 2005. – 368 с.
- Дьяченко А.Н., Кривошеев М.В., Шинкарь О.А.** Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Вып. 3. – Волгоград, 2006. – С. 105-163.
- Евдокимов Г.Л.** Погребения эпохи поздней бронзы Астаховского могильника. – К., 1992. – 45 с.
- Житніков В.Г., Циміданов В.В.** Поховання зрубної спільноти з булавами // Археологія. – 1999. – № 1. – С. 131-142.
- Заворотна Г.В.** Господарство поселень зрубної культури басейну Сіверського Дінця // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Т. 4. – Донецьк, 2004. – С. 32-34.
- Заглада Н.** Ярмо // Матеріяли до етнології. II. – К., 1929. – С. 11-45.
- Захариков А.П., Цыбрий В.В.** Охранные раскопки курганного могильника “Южный” в 2003 году // Археология Восточно-Европейской степи. – Вып. 7. – Саратов: Научная книга, 2009. – С. 98-122.
- Захарова Е.Ю.** Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. – Воронеж: ЦЧКИ, 2000. – 163 с.
- Збруева А.В.** Маклашеевские могильники // КСИИМК. – 1948. – Вып. XXIII. – С. 22-30.
- Зудина В.Н., Скарбовенко В.А.** Раннесрубный могильник у с. Песочное // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1985. – С. 51-78.
- Иванов А.Ю., Колесв Ю.И.** Зрубний комплекс з роговим “жезлом” із Середнього Заволжя // Археологія. – 1993. – № 1. – С. 92-101.
- Иванов В.А.** Погребальный обряд как средство реконструкции некоторых космогонических представлений у племен срубной культуры // Древние культуры Поволжья и Приуралья / Научные труды Куйбышевского пединститута. – Т. 221. – Куйбышев, 1978. – С. 72-73.
- Изотова М.А.** Курган эпохи поздней бронзы у п. Дубки // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. – Вып. 2. – Саратов, 1997. – С. 78-79.
- Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С.** Николаевские курганы (“Елена”) на реке Стерля в Башкортостане. – Уфа, 2009. – 240 с.
- Качалова Н.К.** Ильменские курганы // АСГЭ. – Вып. 12. – Л.: Аврора, 1970. – С. 7-34.
- Качалова Н.К.** Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры // АСГЭ. – Вып. 16. – Л.: Аврора, 1974а. – С. 5-18.
- Качалова Н.К.** Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы // САИ. – В4-12. – М.: Наука, 1974б. – 56 с.
- Качалова Н.К.** О локальных различиях в лесостепной срубной культуре // АСГЭ. – Вып. 18. – Л.: Аврора, 1977. – С. 23-28.
- Качалова Н.К.** Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. – 1978. – № 3. – С. 69-79.

Килейников В.В. Ремесло и домашние производства у населения донской лесостепной срубной культуры // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж: ВГПИ, 1988. – С. 97-110.

Килейников В.В. Функциональный анализ орудий труда с поселений донской лесостепной срубной культуры // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж: ВГПИ, 1999. – С.117-142.

Килейников В.В. Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронежского гос. ун-та, 2009. – С. 96-113.

Кириллов А.К. Курганы Донецкой области как объекты исследований археоастрономии // Археологический альманах. – № 25. – Донецк, 2011. – С. 180-198.

Клейн Л.С. Кургани біля с. Троїцького // АП. – Т. VIII. – 1960. – С. 141-163.

Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. до Р.Х.). – К., 2006. – 337 с.

Ковалева И.Ф. Соотношение культур многоваликовой керамики и срубной в Днепровском Предстепье // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. – К.; Николаев; Южноукраинск, 1997. – С. 10-11.

Ковальова І.Ф., Волкобой С.С. Маївський локальний варіант зрубної культури // Археологія. – 1976. – Вип. 20. – С. 3-22.

Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Андросов А.В. Срубные курганные могильники Среднего Присамарья // Курганные древности Степного Поднепровья. – Днепропетровск, 1979. – С. 25-44.

Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Никулкин И.В., Яремака В.Н. Могильники эпохи бронзы на р. Заплавка в Среднем Приорелье // Древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. – Днепропетровск: ДГУ, 1983. – С. 3-18.

Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Чернявская И.В., Христан А.М. Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. – Днепропетровск: ДГУ, 1981. – С. 19-44.

Ковалева И.Ф., Шалобудов В.Н. Раскопки курганов эпохи бронзы в правобережном Предстепье // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ун-та, 1992. – С. 4-40.

Коваленко О.В., Луговий Р.С. Сторожівський курганный могильник // АДУ. 2011. – К.: Волинські старожитності, 2012. – С. 367-368.

Коваленко О.В., Куштан Д.П., Луговий Р.С. Стратифіковані кургани доби бронзи Сторожівського могильника // Археологія. – 2012. – № 3. – С. 83-96.

Козлов П.К. Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899-1901 гг.). – М.: ОГИЗ, 1947. – 438 с.

Колев Ю.И. Грунтовый могильник срубной культуры Съезжее II (материалы раскопок) // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. – Самара, 2003. – С. 88-111.

Колев Ю.И., Мышкин В.Н. Курганы эпохи бронзы ус. Осиновка // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Вып. 1. – Самара, 1999. – С. 142-153.

Колев Ю.И., Седова М.С. Погребальный комплекс заключительного этапа эпохи бронзы с территории поселения Шигоны III // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Вып. 2. – Самара: Самарский ун-т, 2004. – С. 212-222.

Колесник А.В. Кремневые изделия Степановского поселения // Ю.М.Бровендер. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. – Алчевск, 2012. – С. 166-171.

Колтухов С.Г., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма. – Ч. II. – Запорожье, 1998. – 194 с.

Корочкова О.Н., Корякова Л.Н. Курганы срубной культуры у поселка Мирный // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. – С. 134-142.

Косміна Т. Поселення, житло, забудова // Українська минувшина. Ілюстрований етнографічний довідник. – К.: “Либідь”, 1994. – С. 8-26.

Костюков В.П., Алаева И.П. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. – № 2. – Челябинск, 2004. – С. 5-56.

Крамарев А.И. Характеристика погребальных сооружений срубной культуры южного Средневолжья // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 3. – Самара, 2003. – С. 277-301.

Красильников К.И., Пробейголова А.С. Могильник поздней бронзы в Поайдарье // МДАСУ. – № 8. – Луганськ, 2008. – С. 254-270.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. – 1955. – № 46. – 167 с.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства / ИГАИМК, 1935. – Вып.119. – М., Л. – 176 с.

Кудлай Ю.В., Полідович Ю.Б. Курганы бассейну Солоні (Західний Донбас) // Археологический альманах. – № 14. – Донецк, 2004. – С. 133-152.

Кузнецова Л.В., Седова М.С. Курганный могильник срубной культуры ус. Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА. – 1991. – № 3.

Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи бронзы Средней и Восточной Европы. – Ч. II. – СПб., 1995. – С. 27-51.

Куштан Д.П. Населення південної частини Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.04 / Ін-т археол. НАНУ. – К., 2007. – 20 с.

Куштан Д.П. Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи. – Археологічний альманах. – № 29. – Донецьк, 2013. – 232 с.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИИМК РАН. – СПб., 2006. – 27 с.

Ларенок В.А. Планиграфия и архитектура Мокро-Чалтырьского поселения // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 26-28.

Лебедева Е.Ю. Палеоботанические исследования в Приазовье // История и археология Слободской Украины. – Харьков, 1992. – С. 141-143.

Лебедева Е.Ю. Археоботанические исследования // Каргалы, т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 240-248.

Лебедева Е.Ю. Исследование археоботанических образцов с поселений Раздолье-1 и Лесопитомник-4 // Е.И. Гак. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. – М.: ГИМ, 2011. – С. 166-201.

Левых Г.А. Памятники донской лесостепной срубной культуры // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы (тезисы докладов научной конференции). – Воронеж, 1990. – С. 26-27.

Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы – Л.: Наука, 1981. – 181 с.

Литвиненко Р.А. Погребальные сооружения срубной культуры Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья // ДАС. – Вып. 1. – Донецк, 1992. – С. 29-46.

Литвиненко Р.А. Курганный могильник Возрождение II на Донетчине // РА. – 1993. – № 3. – С. 188-197.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.

Литвиненко Р.А., Полидович Ю.Б. Курган срубной культуры у с. Ивано-Дарьевка // Археологический альманах. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 119-144.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. ... докт. іст. наук: 07.00.04 / Ін-т археол. НАНУ. – К., 2009. – 33 с.

Литвиненко Р.О., Усачук А.М. Курганы поблизу залізничної станції Квашине в Донбасі (з розкопок Б.А. Шрамка) // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамка. – Харьков, 2011. – С. 198-206.

Лопатин В.А. Поселения // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. – Вып. В1-10. – Саратов, 1993. – С. 66-99.

Лопатин В.А. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище “Мартышкино” (материалы эпохи поздней бронзы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. – Саратов: Научная книга, 2003. – Вып. 5. – С. 10-31.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). – Саратов, 2010. – 244 с.

Луныков В.Ю. Сосуды поселения Горный со знаками и нарушением орнаментального ритма // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. – Ч. 1. – Москва, 2003. – С. 140-142.

Луныков В.Ю. Керамический комплекс // Каргалы, т. III: Селище Горный: Археозоологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 22-75.

Луныкова Ю.В. Погребальный обряд срубной культуры Волго-Донского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археол. РАН. – М., 2002. – 21 с.

Ляхов С.В. Погребения эпохи поздней бронзы из курганов у станции Кулатка Хвалынского района Саратовской области // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 9. – Саратов: Полиграфия Поволжья, 2009. – С. 20-37.

Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка) – Запорожье: Дикое поле, 2004. – 178 с.

Малов Н.М. Работы в Заволжье // АО-1984. – М.: Наука, 1986. – С. 139.

Малов Н.М. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. – С. 8-13.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. – Вып. 5. – Саратов: Научная книга, 2003. – С. 157-219.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. – Вып. 5. – Саратов: Научная книга, 2007. – С. 34-92.

Мамонтов В.И. Землянка эпохи бронзы Приморской стоянки // Историко-краеведческие записки. – Вып. III. – Волгоград, 1975. – С. 97-103.

Мандельштам А.М. Погребения срубной культуры в южной Туркмении // КСИА. – 1966. – Вып. 108. – С. 105-108.

Мандельштам А.М. Новые погребения срубного типа в южной Туркмении // КСИА. – 1967. – Вып. 112. – С. 61-64.

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. – М., 1984. – 216 с.

Матвеев Ю.П. Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 13: Евразийская лесостепь в эпоху металла. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1999. – С. 60-71.

Матвеева Г.И. Раскопки Михайло-Овсянского селища // АО-1978. – М.: Наука, 1979. – С. 188.

Матвеева Г.И., Кузнецова Л.В., Скарбовенко В.А. Работы в Куйбышевской области // АО-1979. – М.: Наука, 1980. – С. 155-156.

Матвеева Г.И., Колев Ю.И., Королев А.И. Горно-металлургический комплекс бронзового века ус. Михайло-Овсянка на юге Самарской области (первые результаты и проблемы

исследования) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Вып. 2. – Самара: Самарский ун-т, 2004. – С. 69-88.

Матюхин А.Д. Исследование курганов ус. Большая Дмитриевка // Древности Волго-Донских степей. – Вып. 2. – Волгоград: Перемена, 1992. – С. 49-53.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Поволжья // МИА. – 1954. – № 42. – С. 39-156.

Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. – 1958. – № 61. – С. 45-156.

Мерперт Н.Я. Срубная культурно-историческая область (к постановке вопроса) // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). – Куйбышев, 1985. – С. 3-10.

Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – С. 7-24.

Методические рекомендации к организации самостоятельной работы на археологической практике: “Раскопки курганов в зоне новостроек Донбасса” / Сост.: Д.П. Кравец, В.А. Посредников. – Донецк, 1990. – 96 с.

Мимоход Р.А. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. – С. 86-93.

Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты погребений днепро-донской бабинской культуры из одиночного кургана Ясиновский III на Северском Донце // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2012. – С. 295-306.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. – М: ИА РАН, 2013. – 568 с.

Мінакова К.В. До проблеми дерев'яного посуду доби бронзи // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2012. – С. 307-312.

Михайлов Л.Н., Васильев О.А. Ретроспективный анализ содержимого сосудов курганных могильников Самарской области на основе агрохимических методов исследований // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары, 2003. – С. 177-180.

Михайлова О.В., Кузьмина О.В. Новые памятники эпохи бронзы в Самарском Поволжье // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Вып. 1. – Самара, 1999. – С. 59-92.

Моргунова Н.Л. Курганы у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. III. – Оренбург: Печ. Дом “ДИМУР”, 1999. – С. 40-64.

Мочалов О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2008. – 252 с.

Мухаметдинов В.И. Технично-технологический анализ керамики Родникового поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 10. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. – С. 101-112.

Мыськов Е.П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА. – 1991. – № 4. – С. 145-163.

Мыськов Е.П. Сложение степной срубной культуры и полтавкинская проблема // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. – СПб., 1993. – С. 78-80.

Мыськов Е.П., Лапшин А.С. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. – Волгоград, 2007. – 100 с.

Мышкин Н.М., Турецкий М.А. Курганы бронзового века на реке Малый Кинель // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 4. – Самара, 2006. – С. 314-334.

Нигматуллин Р.А. Работы Уфимского дворца пионеров // АО-1977. – М.: Наука, 1978. – С. 189-190.

- Нигматуллин Р.А.** Раскопки курганов в Башкирии // АО-1980. – М.: Наука, 1981. – С. 145-146.
- Ніколаєва Т.** Різновиди традиційного одягу // Українська минувшина. Ілюстрований етнографічний довідник. – К.: “Либідь”, 1994. – С. 110-132.
- Откровение Черного Лося.** – М.: Сфера, 1997. – 560 с.
- Отрощенко В.В.** О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // СА. – 1990. – № 1. – С. 107-112.
- Отрощенко В.В.** О двух линиях развития культур племен срубной общности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – П. – Запорожье, 1994. – С. 150-153.
- Отрощенко В.В.** К вопросу о покровской срубной культуре // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. – Саратов, 1997а. – С. 70-72.
- Отрощенко В.В.** Чотирикамерні склепи синташтинської доби // Археологія. – 1997б. – № 3. – С. 66-72.
- Отрощенко В.В.** О культурах срубной общности // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Мат-лы междунар. научн. конф. – Воронеж: ВГУ, 2000а. – С. 10-14.
- Отрощенко В.В.** О пределах культур срубной общности // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. – Саратов, 2000б. – С. 87-89.
- Отрощенко В.В.** Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) – К., 2001. – 288 с.
- Отрощенко В.В.** Історія племен зрубної спільності: автореф. дис. ... докт. іст. наук: 07.00.04 / Ін-т археол. НАНУ. – К., 2002а. – 33 с.
- Отрощенко В.В.** К вопросу о периодизации покровской срубной культуры // Проблемы археологии Евразии. – М., 2002б. – С. 175-180.
- Отрощенко В.В.** К истории племен срубной общности // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 17: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. – С. 68-96.
- Отрощенко В.В.** Вільнянські кургани в контексті генези бережнівсько-маївської зрубної культури // С.Н.Ляшко, З.Х.Попандопуло, О.В.Дровосекова Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). – Запорожье: Дикое поле, 2004. – С. 163-168.
- Отрощенко В.В.** До історіографії виділення бережнівсько-маївської зрубної культури // Проблеми археології Подніпров'я. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетровського ун-ту, 2009. – С. 70-74.
- Отрощенко В.В.** Міркування щодо одного “аномального” тексту // Мігістеріум. – Вып. 45. Археологічні студії. – К., 2011. – С. 14-18.
- Отрощенко В.В., Савовский И.П., Томашевский В.А.** Курганная группа Рясные Могилы ус. Балки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. – К.: Наукова думка, 1977. – С. 16-60.
- Отрощенко В.В., Формозов А.А.** К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // Studia Praehistorika. – Т. 9. – Sofia, 1988. – С. 141-178.
- Памятники срубной культуры.** Волго-Уральское междуречье // САИ. – Вып. В1-10. – Саратов, 1993. – 200 с.
- Панковський В.Б.** Доробок лув'ївського косторіза // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2012. – С. 320-326.
- Пашкевич Г.А.** Земледелие в Степи и Лесостепи Восточной Европы в неолите – бронзовом веке (палеоэтноботанические свидетельства) // Stratum plus.– 2000. – № 2. – СПб. Кишинев, Одесса, Бухарест.– С. 404-418.
- Пашкевич Г.О.** Палеоботаничні дослідження Східної України // Проблеми дослідження пам'яток Східної України. – Луганськ, 2005. – С. 11-14.
- Пеляшенко К.Ю., Буйнов Ю.В.** Археологічні дослідження на поселеннях доби бронзи

Завод Комсомолец та Мерефа 4 на Харківщині // АДУ. 2008. – К., 2009. – С. 223-227.

Перерва Е.В. Предварительный палеопатологический анализ антропологических материалов, полученных в результате охранных археологических работ в зоне строительства магистрального газопровода Починки – Изобильное // *Материалы по археологии Волго-Донских степей.* – Вып. 3. – Волгоград, 2006. – С. 293-336.

Пестрикова В.И. I курганный могильник у совхоза “Солнечный” // *Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / Научные труды.* – Т. 220. – Куйбышев, 1977. – С. 72-81.

Писларий И.А., Филатов А.П. Тайны степных курганов. – Донецк: Донбас, 1972. – 135 с.

Писларий И.А. Новые материалы для изучения вопроса о сложении срубной культуры // *Открытие молодых археологов Украины.* – Ч. I. – К.: Наукова думка, 1976. – С. 18-19.

Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // *Археологический альманах.* – № 2. – Донецк, 1993. – С. 35-98.

Полідович Ю.Б. Курган доби бронзи “Розкопана Могила” поблизу м. Дружківка Донецької області // *Археологический альманах.* – № 25. – Донецк, 2011. – С. 71-155.

Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В. Срубный погребальный комплекс из Русиног Яра (Донбасс) // *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит и бронзовый век).* – Ч. первая. – Донецк, 1996. – С.100-105.

Полин С.В., Тупчиенко Н.П., Николова А.В. Курганы верховьев Ингульца (курганы у сс. Успенка и Головковка). – К., 1992. – 48 с.

Пономарьов А. Сімейні звичаї та обряди // *Українська минувшина. Ілюстрований етнографічний довідник.* – К.: “Либідь”, 1994. – С. 166-181.

Посредников В.А., Зарайская Н.П. Материалы курганов у с. Огородное (Северное Приазовье) // *ДАС.* – Вып. 4. – Донецк, 1993. – С. 82-178.

Посредников В.А., Кравец Д.П. К вопросу об обряде кремации у срубных племен Донбасса // *ДАС.* – Вып. 1. – Донецк, 1992. – С. 47-56.

Потапов В.В. Жилища поселения Вареновка III // *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий.* – Донецк, 2000. – С. 23-26.

Привалова О.Я. К вопросу о развитии земледельческо-скотоводческого хозяйства у срубных племен Северного Приазовья и бассейна Северского Донца // *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе.* – Донецк, 1986. – С. 25-26.

Привалова О.Я. Раннесрубный могильник Малый Кут в Северном Приазовье // *Археологический альманах.* – № 10. – Донецк, 2001. – С. 145-154.

Привалова О.Я., Привалов А.И. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье // *Древнейшие скотоводы степей юга Украины.* – К.: Наукова думка, 1987. – С. 94-107.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы – Кн. первая. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1993. – 106 с.

Пряхин А.Д. Некоторые проблемы изучения абашевской культурно-исторической общности на современном этапе // *Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии.* – Тамбов, 1996. – С. 4-6.

Пряхин А.Д. Доно-донецкая степь-лесостепь в эпоху бронзы. История изучения (современный этап) – Кн. 2. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2010а. – 296 с.

Пряхин А.Д. Изучение памятников покровского типа в российской и украинской археологии (90-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.) // *Проблемы истории и археологии Украины.* М-лы VII Междунар. научн. конф. – Харьков, 2010б. – С. 12-14.

Пряхин А.Д. Памятники покровского типа на современном этапе изучения // *Вестник Воронежского государственного университета.* Серия: История. Политология. Социология. – 2011. – № 1. – С. 62-74.

Пряхин А.Д. К обоснованию целесообразности закрепления за одной из культур срубной культурно-исторической общности названия “мосоловская срубная культура” // Проблемы истории и археологии Украины. М-лы VIII Междунар. научн. конф. – Харьков: ООО “НТМТ”, 2012. – С. 18-19.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2001. – 172 с.

Пряхин А.Д., Килейников В.В. Хозяйство жителей Мосоловского поселка эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трассологического анализа орудий труда) // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. – С. 20-36.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1988. – 209 с.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Новостроечные раскопки древних курганов в Воронежской области. – Воронеж, 1990. – 15 с.

Пряхин А.Д., Тихонов Б.Г. Донская лесостепная срубная культура // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. – Донецк, 1979. – С. 64-66.

Равдоникас В.И. История первобытного общества – Ч. II. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1947. – 392 с.

Ратнер И.Д., Костюк Л.И. Древности Херсонщины. – Симферополь: Таврия, 1989. – 75 с.

Риженко Я. Кустарно-ремісничя промисловість // Полтавщина. Збірник. Т. II. – Полтава, 1927. – С. 257-306.

Рогудеев В.В. Срубный курган в г. Гуково // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. – Вып. 12. – Азов, 1994. – С. 58-61.

Ромашко В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ун-та, 1993. – С. 79-91.

Ромашко В.А. Домостроительство племен срубно-белозерской культуры Украины (типология, реконструкция домовых форм, маркировка домовых ландшафтов и ландшафтов домовых форм) // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 19.

Ромашко В.А., Марина З.П., Тесленко Д.П., Фещенко Е.Л. Раскопки курганов ус. Голубовка на Днепропетровщине (предварительное сообщение) // АДУ2005-2007 рр. – К.: ІА НАН України; Запоріжжя: Дике поле, 2007. – С. 329-332.

Ромашко В.А., Фещенко Е.Л. Раскопки кургана покровской срубной культуры у пгт Кировское в Нижнем Присамарье // АДУ. 2008. – К., 2009. – С. 259-260.

Рослякова Н.В. Костные остатки мясных частей туш животных из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 15, № 1. – 2013. – С. 205-210.

Самар В.А. Курган срубного времени из Приазовья // ДСПК. – Т. II. – Запорожье, 1991. – С. 125-136.

Санжаров С.М. Східна Україна на рубежі середньої – пізньої бронзи: автореф. дис. ... докт. іст. наук: 07.00.04 / Ін-т ареол. НАНУ. – К., 2007. – 33 с.

Седова М.С. Некоторые вопросы геоморфологии и планиграфии срубных поселений Куйбышевского Поволжья // Организация археологических экспедиций с участием школьников. – Донецк, 1988. – С. 28-29.

Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. – С. 152-208.

Сергацков И.В., Дьяченко А.Н., Клепиков В.М., Кривошеев М.В. Археологические исследования курганов у с. Перекопка // Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований). – Волгоград: Изд-во

Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. – С. 10-76.

Сергеева О.В. Поселения и постройки эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (пространственный, социологический и палеодемографический аспекты): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИИМК РАН. – СПб., 2007. – 19 с.

Синюк А.Т., Погорелов В.И. Периодизация срубной культуры Среднего Дона (по материалам погребальных памятников) // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). – Куйбышев, 1985. – С. 118-145.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во Воронежского педуниверситета, 1996. – 350 с.

Скуратівський В. Русалії. – К., 1996. – 736 с.

Смирнов К.Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. – 1957. – Т. XXVII. – С. 209-221.

Смирнов К.Ф., Попов С.А. Работы в Оренбургской области // АО-1967. – М.: Наука, 1968. – С. 113-114.

Сорокина И.А. Освоение степного предгорного Закубанья населением срубной культурно-исторической общности // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Мат-лы междунар. научн. конф. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 77-80.

Спаська Є. Шльонський ганчарський круг (Другий етюд із циклу “Чернігівське ганчарство”) // Матеріали до етнології. II. – К., 1929. – С. 104-110.

Стадник А.И. Поселение срубной культуры у с. Новоселовка на р. Лугань // МДАСУ. – № 4. – Луганськ, 2005. – С. 266-273.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). – М: Наука, 1972. – 168 с.

Сумин А.Ю., Пигарев Е.М. Новые находки эпохи бронзы Астраханского Заволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 30-32.

Супруненко А.Б. Материалы срубной культуры в исследованиях И.А. Зарецкого // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. – Ч. друга. – Полтава, 1991. – С. 43-45.

Супруненко О.Б., Шерстюк В.В. Дослідження в зоні спорудження східних відвалів ВАТ “Полтавський ГЗК” поблизу колишнього с. Підуста на Полтавщині // АДУ. 2009. – К.; Луцьк, 2010. – С. 412-414.

Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. – Запорожье, 2007. – 304 с.

Трубникова Н.В. Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС) // КСИИМК. – 1953. – Вып. L. – С. 21-30.

Труды Новочеркасской археологической экспедиции / Сост.: И.Н. Парусимов. – Вып. 6. – Ростов-на-Дону, 2002. – 104 с.

Український народний одяг / Адміністраторка: Н. Даниленко. – Торонто; Філадельфія, 1992. – 312 с.

Усачук А.Н. Костяной инвентарь поселения у с. Проказино // Древние культуры Подонцовья. Вып. 1. – Луганск, 1993. – С. 135-147.

Усачук А.Н. Различия в косторезном производстве двух регионов срубной культуры // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. М-лы конференции. – СПб., 1995. – С. 90-94.

Усачук А.Н. К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 66-71.

Усачук А.Н. Сравнительный анализ использования орудий из кости на Мосоловском и Безыменском поселениях эпохи поздней бронзы // Археология восточноевропейской лесостепи.

Вып. 10. Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. – Воронеж: Воронежский гос. университет, 1997а. – С. 128-135.

Усачук А.Н. Трасологический анализ костяных орудий из случайных находок в бассейне Волги // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. М-лы междунар. научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау. – Саратов: Изд-во СГПИ, 1997б. – С. 81-84.

Усачук А.Н. Костяной инвентарь поселения срубной культуры у хутора Красный Яр на Дону // Археологический альманах. № 6. – Донецк, 1997в. – С. 173-180.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Староласпинского поселения эпохи поздней бронзы // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000а. – С. 107-110.

Усачук А.Н. Костяные изделия срубных поселений Доно-Донецкого региона // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Мат-лы междунар. научн. конф. – Воронеж: ВГУ, 2000б. – С. 91-98.

Усачук А.Н. Трасологический анализ роговой втулки из раннесрубного погребения // МДАСУ. – Вып. 10. – Луганськ, 2010. – С. 183-199.

Усачук А.Н. Изделия из кости поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Верхнего Дона // Е.И. Гак. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. – М.: ГИМ, 2011. – С. 202-214.

Усачук А.Н. Костяные орудия поселения эпохи поздней бронзы Ляпичев хутор в Подонье (по материалам раскопок М.И. Артамонова и М.П. Грязнова) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (к 110-летию со дня рождения). – Омск: “Амфора”, 2012а. – С. 226-235.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Степановского поселения // Ю.М. Бровендер. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. – Алчевск: ДонГТУ, 2012б. – С. 140-156.

Усачук А.Н. Глава 11. Костяные изделия поселения Устье I // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Коллект. монография. – Челябинск: Абрис, 2013. – С. 331-362.

Усачук А.Н., Бровендер Ю.М. Изделия из кости поселения поздней бронзы ус. Лиман // Древние культуры Подонцовья. Вып.1. – Луганск, 1993. – С.175-186.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей. Труды ГИМ. Вып. 109. – М., 1999. – С. 204-216.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Об изготовлении пряжек эпохи бронзы // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (матеріали 5-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). – Київ, Вороніж, 2001. – С. 109-114.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Костяные орудия прядения и ткачества на Синташте // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Мат-лы междунар. научн. конф. – Чебоксары, 2003. – С.163-166.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 396 с.

Халяпин М.В. Курганы срубной культуры у с. Свердловло // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. II. – Оренбург: Печ. Дом “ДИМУР”, 1998. – С. 57-86.

Цыбрий Т.В. Поселение Ягодинка 2 и некоторые вопросы классификации построек эпохи поздней бронзы // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2012. – С. 376-387.

Цимищанов В.В. Воинские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 78-82.

Цимиданов В.В. Парні поховання зрубної культурно-історичної спільноти // Археологический альманах. – № 7. – Донецк, 1998. – С. 51-60.

Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 215-248.

Цимиданов В.В. “Азбука” орнамента срубной культуры // Літопис Донбасу. – № 12. – Донецк, 2004а. – С. 30-36.

Цимиданов В.В. З’єднувальні досипки у курганній архітектурі зрубної культури: проблема семантики // МДАСУ. – № 3. – Луганськ, 2004б. – С. 229-248.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества – Донецк, 2004в. – 204 с.

Цимиданов В.В. Украшения в погребальном обряде срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // Археологический альманах. – № 14 – Донецк, 2004г. – С. 260-291.

Цимиданов В.В. Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – С. 66-81.

Цимиданов В.В. Срубная общность в свете циклических теорий развития // ДАС. – № 12 – Донецк, 2006. – С. 70-102.

Цимиданов В.В. Возрастная стратификация общества срубной культуры // МДАСУ. – № 8. – Луганськ, 2008. – С. 56-82.

Цимиданов В.В. Орнаментация керамики срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // Археологический альманах. – № 21. – Донецк, 2010а. – С. 120-139.

Цимиданов В.В. Планиграфия могильников срубной культуры // МДАСУ. – № 10. – Луганськ, 2010б. – С. 56-77.

Цимиданов В.В. Орнамент с “ресничками” на погребальной керамике срубной культуры // ДАЗ. – № 15. – Донецк, 2011. – С. 48-77.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. / МИА. – № 172. – М.: Наука, 1970. – 180 с.

Черных Е.Н. Каргалы. Забытый мир – М.: Нох, 1997. – 177 с.

Черных Е.Н. Феномен и парадоксы Каргалинского комплекса // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Мат-лы междунар. научн. конф. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 15-24.

Черных Е.Н. Каргалы, том V: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 200 с.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю. Сооружения ранней фазы // Каргалы, т. II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 26-69.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Кузьминых С.В. К проблеме истоков земледелия в Восточной Европе // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. – К.: Николаев; Южноукраинск, 1997. – С. 27-28.

Чубатенко И.А., Горбов В.Н. Данные о росте специализации керамического производства срубного населения Приазовья // Срубная культурно-историческая область. Мат-лы III Рыковских чтений. – Саратов, 1994. – С. 57-62.

Шаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка // Энеолит и бронзовый век Украины. – К.: Наукова думка, 1976. – С. 150-172.

Шаповалов Т.А. Поселения срубной культуры Подонцовья (к вопросу хозяйственной деятельности) // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Донецк, 1989. – С. 38-40.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы / И.Н. Шарафутдинова. – К.: Наукова думка, 1982. – 157 с.

Шарафутдинова Э.С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск, 1987. – С. 27-47.

Шарафутдинова Э.С. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. – Л.: Наука, 1991. – С. 70-91.

Шарафутдинова Э.С. Локально-хронологические особенности срубной культуры Нижнего Подонья // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. – Одесса, 1992. – С. 37-39.

Шарафутдинова Э.С., Житников В.Г. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор – История, 2011. – 180 с.

Шевченко Л.П., Повод К.М. Промыслы // Народы Европейской части СССР. – Т. I. / Народы мира. Этнографические очерки. – М.: Наука, 1964. – С. 613-620.

Шрамко І.Б., Корохіна А.В. Охоронні дослідження поселення із матеріалами доби бронзи. – раннього заліза “Пісочин-Мобіль” // АДУ 2005-2007 рр. – К.: ІА НАН України; Запоріжжя: Дике поле, 2007. – С. 436-439.

Юдин А.И. Памятники бережновского типа раннесрубной культуры Нижнего Поволжья // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. – Луганск: Глобус, 2010. – С. 345-356.

Шульгина Л. Ганчарство в с. Бубнівці на Поділлі // Матеріали до етнології. II. – К., 1929а. – С. 111-200.

Шульгина Л. Ткацькі варстати в с. Мартиновичі на Київщині (Матеріали до історії розвитку ткацтва) // Матеріали до етнології. II. – К., 1929б. – С. 69-88.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное – Саратов: Научная книга, 2006. – 116 с.

Яковлева О. “Потойбіччя” в уявленнях прадавніх українців // НТЕ. – 2005. – № 3. – С. 78-85.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsymidanov V.V.

Timber-grave community: two archaeological cultures or intracultural continuity?

The authors argue V.V. Otroshchenko's opinion that there were two Timber-grave cultures. They have analyzed V.V. Otroshchenko's proofs of his conception. The authors assert that data of the Late Bronze Age testify for a single Timber-grave culture.

Keywords: *Timber-grave cultural and historical community, Pokrovsk-Mosolovskiy Timber-grave culture, Berezhnovka-Maievka Timber-grave culture, intracultural continuity.*

Підобід В.А., Усачук А.М., Циміданов В.В.

Зрубна спільнота: дві археологічні культури або внутрішньокультурна безперервність?

Розглядається концепція В.В. Отрошенка, згідно до якої виділяються дві зрубні культури. Проведено аналіз аргументів В.В. Отрошенка, які він висунув на захист своєї концепції. Автори доходять висновку, що реалії пізньобронзової доби дозволяють говорити про єдину зрубну культуру.

Ключові слова: *зрубна культурно-історична спільнота, покровсько-мосоловська зрубна культура, бережнівсько-маївська зрубна культура, внутрішньокультурна безперервність.*